

ВАДИМ ПАНОВ

ТАГАНСКИЙ
ПЕРЕКРЕСТОК

La Mystique De Moscou

La Mystique De Moscou

Вадим Панов

Таганский перекресток (сборник)

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2006

Панов В. Ю.

Таганский перекресток (сборник) / В. Ю. Панов — «Эксмо»,
«Панов Вадим», 2006 — (La Mystique De Moscou)

ISBN 5-699-14889-2

Они живут рядом с нами, они совсем близко. Мы можем в них не верить, можем считать их героями давно забытых сказок, но они реальны, и от них не спрятаться за бетонными стенами московских многоэтажек. Правда, обосновавшийся в столице всемогущий джинн оказывается совсем не похож ни на могучего тяжеловеса из лампы Аладдина, ни на бородатого старика Хоттабыча, а ведьмы, черти и лешие охотно вступают в товарно-денежные отношения с предприимчивыми студентами, но от этого не становятся менее таинственными и опасными. И Дикая Стая по-прежнему жаждет человеческой крови... Много тайн и загадок скрывает пронизанная древней магией Москва, и есть среди них место для простого человеческого счастья, ведь в волшебном августе с неба падают звезды, которые дарят надежду на чудо.

ISBN 5-699-14889-2

© Панов В. Ю., 2006

© Эксмо, 2006

© Панов Вадим, 2006

Содержание

Правильное решение	5
Ведьма	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вадим Панов

Таганский перекресток

Правильное решение

Странное настроение дарит морозное весеннее утро. Не мартовское – заснеженное, еще зимнее, разрывающее легкие холодным ветром, а апрельское, почти майское. Веселое. Светлое. И морозное. Ты идешь по просыпающейся улице, прищуриваешься на яркое солнце, улыбаешься, глядя на голубое-голубое, безо всяких облаков небо... и кутаешься в теплую куртку. На руках перчатки, на голове шапка или капюшон толстовки. И идешь ты быстро, потому что зимние ботинки давно спрятаны в шкаф, а кроссовки не предназначены для минус трех.

Тебе не жарко этой весной.

В голых, едва зазеленевших кустах гомонят птицы – им пора создавать семьи, а ломкие ветви покрыты инеем. Птицы надеялись принести с собой весну, но зима оказалась хитрее.

Под ногами хрустит лед. Не тонкая корочка, дымкой затянувшая лужицу, а настоящий лед, на котором проскальзывают переобувшиеся в летнюю резину автомобили. И крепость ночного мороза не оставляет сомнений в том, что зима не ушла, не отступила на север, собираться с силами в ожидании декабря, а затаилась среди городских улиц, спряталась и теперь насмехается над попытками природы вернуться к нормальному течению жизни.

Конец апреля.

Морозно.

Кто-то сошел с ума.

* * *

Димка Орешкин вышел из теплого вестибюля метро, поморщился, отворачивая лицо от торопливого поцелуя холодного ветра, закурил и медленно побрел вниз по улице, внимательно читая названия убегающих направо переулков. Круглая вязаная шапочка, из-под которой торчат длинные волосы, куртка с яркими вставками, молодежный рюкзак – издали Димку принимали за студента, порой – за подростка. Но издали. Вблизи становились заметны и мешки под глазами, и морщинки, и пробивающаяся в волосах седина. Какой студент? Какой подросток? За тридцать мужику.

Тридцать четыре, если быть точным. Один раз был женат. Неудачно. Один раз закончил институт. С тройками. Один раз, напившись, высказал начальнику все, что о нем думал. С тех пор – безработный. Должность системного администратора – как звучит! – в небольшой компании, занимающейся установкой металлических дверей, позволила Димке стать специалистом широкого профиля. Помимо непосредственных обязанностей: следить за тем, чтобы компьютеры работали и не заражались всякой дрянью, а генеральному ничего не мешало шлаться по Интернету, Орешкину приходилось и факсы чинить, и с телефонией сражаться, и картриджи в ксероксах менять. И даже курьерские поручения исполнять, когда генеральному приходило в голову: «Чего это он здесь без дела сидит, если у него все работает?» Платили, правда, неплохо, на жизнь и на снять квартиру хватало, а о большем Димка не задумывался.

И кто, спрашивается, за язык тянул?

Синяк, что поставил чересчур разговарившемуся Орешкину взбешенный генеральный, сошел за неделю. Еще через две, несмотря на чрезвычайную экономию, начали заканчиваться деньги. А устроиться на работу не получалось. И Нина сказала, чтобы не звонил, пока не поумнеет, читай: пока не найдет приличное место. Впрочем, Нина работала диспетчером в двер-

ной фирме, присутствовала на приснопамятной вечеринке, так что еще вопрос, захочет ли она продолжать отношения. Генеральный – мужик незлопамятный, но публичное оскорбление не простит никогда, и стоит ему узнать, что Нина встречается с наглым программистом, как девушку мгновенно отправят на улицу следом за возлюбленным.

А Орешкин не тот человек, ради которого можно рискнуть будущим. Или настоящим. Рискнуть хотя бы должностью диспетчера.

Офис компании, менеджер по персоналу которой согласился принять Орешкина, располагался на первом этаже жилого дома. Двухзначный номер корпуса обрек Димку на пятнадцатиминутные поиски нужного здания, оказавшегося в итоге «тем самым, о котором он подумал с самого начала» и, более того, расположенного настолько удобно, что дворами от метро к нему можно было пройти гораздо быстрее, чем по улице и переулку. Орешкин с чувством обругал косноязычного менеджера, неспособного толком объяснить простую дорогу, изучил свое отражение в грязной витрине закрытого на ремонт магазина, снял шапку, пятерней попытался привести в порядок прическу, вздохнул и отправился кланяться.

Чего не сделаешь ради денег.

* * *

Засаду подготовили мастерски.

Высочивший из переулка оранжевый мусоровоз перекрыл неширокую улицу, заставив кортеж из «Мерседеса» и трех джипов остановиться в крайне неудобном месте: вокруг лишь фасады домов, ни подъездов, ни магазинов, ни дверей, ни витрин. Позади, захлопывая ловушку, встал огромный тягач, и стрелкам, разместившимся за припаркованными у тротуара автомобилями, оставалось лишь нажимать на спусковые крючки, заливая огнем из автоматов машины неудачников.

Засаду подготовили дерзко.

Кто мог подумать, что в наше относительно спокойное время перестрелку учинят едва ли не в центре города? Утром буднего дня, когда вокруг полно прохожих, а милиция примчится на место происшествия всего через несколько минут.

Засаду подготовили жестоко.

Судя по количеству стрелков и плотности огня, которую они обеспечили, разработчики плана ставили перед собой только одну цель – уничтожить всех, кто попал в ловушку. Не одного-единственного, ради которого все затевалось, а всю свиту.

Нападавшие прекрасно понимали, что главная мишень понадеется на крепость брони «Мерседеса» и покинет лимузин только в самом крайнем случае. И организовали такой случай. Мужчина в черном пальто выскочил из автомобиля за мгновение до того, как в лобовое стекло «Мерседеса» влетела кумулятивная граната. Взрывной волной его швырнуло на землю, мужчина замер, но подоспевшие телохранители подняли его на ноги, заставили пригнуться, окружили, четверо закрыли мужчину собой, остальные продолжали стрелять, надеясь продержаться до появления милиции, но...

Засаду действительно спланировали великолепно. Это был тир. Не бой – расстрел. Автоматные очереди летели со всех сторон. Упал один из телохранителей. Второй. Через сколько секунд будет уничтожена вся группа? Через десять? И окруженные флажками волки побежали. Вперед. На тех охотников, что укрылись за мусоровозом. К переулку, из которого вынырнула оранжевая громадина. Там могут быть двери, подъезды, ворота, дворы. Там можно укрыться, спрятаться. Там можно выжить.

Люди, разработавшие план засады, предусматривали вариант прорыва. Это были умные и опытные профессионалы, они знали, что прижатые к стенке волки не станут покорно дожидаться смерти. Организаторы тщательно инструктировали стрелков, объясняли, как правильно

перекрыть дорогу, кто и кого должен страховать, кто и куда должен уйти, чтобы не перекрывать напарнику сектор обстрела. Организаторы рисовали планы, четко указывая каждому исполнителю зону ответственности.

Но иногда отчаяние помогает сотворить чудо.

Телохранители не трусили, не запаниковали. Поняли, что им не уйти, и просто сделали то, что должны были сделать. Падая один за другим. Умирая. Они своими телами проложили мужчине в черном пальто путь к спасению.

До мусоровоза добежали пятеро. Их ждали. Ударили в упор. Один погиб мгновенно. Еще двое завязали перестрелку, легли позже, но все равно легли. Последний телохранитель упал, пробежав десять-пятнадцать шагов по переулку. Одна пуля в ногу, две в спину.

Но свое дело ребята сделали: мужчина в черном пальто успел нырнуть во дворы.

* * *

– Ну что же, в целом, если все это... – Менеджер по персоналу постучал пальцем по заполненной анкете и, выдержав паузу, многозначительно посмотрел на Орешкина: – Если все это соответствует действительности, то уровень ваших знаний нас устраивает. У нас солидная компания, и мы берем на работу только людей с опытом.

– Я это уже понял, – кивнул Димка.

Он изо всех сил старался, чтобы голос звучал максимально вежливо. И смотреть на тщедушного юнца старался уверенно. Мол, цену себе знаю. Таких, как я, еще поискать.

А паршивец не спешил. Раскусил он Орешкина, понял, что мужик на мели, и теперь упивался моментом, демонстрируя просителю невиданную свою важность. То галстук поправит, то начнет вертеть в руках авторучку, искоса поглядывая на Димку. Занятой человек на хорошей должности. Есть собственный кабинет – два на три метра – и положение в обществе. Перед начальством молодцеват, с теми, кто от него зависим, – высокомерен. Но в принципе – «хороший парень», в коллективе к нему относятся неплохо, потому что всегда поддерживает компанию. Орешкин же еще не свой, с Орешкиным пока можно не стесняться.

– С телефонными станциями работали?

«Написано ведь в анкете!»

– С «Панасоником», – подтвердил Димка.

– Это хорошо... У нас тоже «Панасоник».

Орешкин едва не выругался.

– В ваши обязанности будет входить ее обслуживание.

– Я справлюсь.

– Надеюсь...

Стервец вел себя так, словно фирма принадлежала ему. И Димка вдруг понял, что если ему повезет и он останется здесь работать, то на ближайшей же вечеринке набьет щенку морду. С такими уродами иначе нельзя.

– Как вы понимаете, – продолжил паршивец, – вы не единственный претендент на место. Орешкин выдавил из себя улыбку, но промолчал.

– До конца недели мы будем изучать анкеты и в пятницу примем окончательное решение. Не скрою, Дмитрий, вы кажетесь мне наиболее перспективным кандидатом.

– Спасибо.

– Пока не за что. – Юнец откинулся на спинку кресла. – Кстати, не расскажете, за что вас уволили с предыдущего места работы?

Наушники плеера смотрятся естественно в ушах подростка. Для молодого мужчины это украшение уже несколько странно. Для тридцатичетырехлетнего – нонсенс. Но что делать?

Димка так и не придумал лучшего способа отключаться от мира. От враждебного и холодного города, наполненного чужими людьми. Они спешат по своим делам, говорят по телефону, ругаются, толкаются, спорят. Они рядом и одновременно – далеко. Им нет никакого дела до «системного администратора широкого профиля», до его проблем, его чувств, его мыслей. У них свои заботы. Вот и пускай они остаются по ту сторону звуковой стены. Если не смотреть в глаза, ты не видишь человека, поэтому Орешкин не часто вглядывался в лица окружающих людей. А врубив плеер погромче, ты и не услышишь человека. И даже в центре города или в переполненном вагоне метро остаешься наедине с самим собой. А когда играет любимая музыка и никто не мешает, действительность кажется не такой убогой, как на самом деле.

Через сорок тысяч лет скитаний
Возвращался ветер к старой маме
На последней дозе воздуха и сна...

Но сегодня не спасал даже пронзительный рок. Не то настроение. Трудно отрешиться от мира, когда в кармане всего сотня баксов, подходит время платить за квартиру, а перспективы самые что ни на есть туманные.

«Возьмут! Конечно, они меня возьмут! Кто еще согласится на такой круг обязанностей и два месяца испытательного срока? К тому же я не студент, во время сессии отпрашиваться не стану и после института не сбегу. Я останусь...»

Возвращаться к метро Орешкин решил дворами. Он не сомневался, что легко найдет правильную дорогу. А даже если и заблудится, то ничего страшного: времени у него много, спешить некуда.

«И фирма вроде солидная, возле офиса одни иномарки стоят. Зацепиться бы! Только зацепиться! И больше никаких фокусов! Хватит с меня, пора за ум браться...»

Поцелуй меня – я умираю,
Только очень осторожно, мама,
Не смотри в глаза, мертвые глаза
Урагана...

Разумеется, на человека в черном пальто Орешкин обратил внимание не сразу. Мало ли кто по дворам шастает? Прошел мимо, поглощенный своими проблемами, однако через несколько шагов резко остановился и обернулся, подсознательно почувствовав: происходит что-то необычное.

Довольно старый мужчина медленно брел к двухэтажному кирпичному домику, стоящему в глубине двора. Длинное черное пальто распахнуто, под ним темный костюм, белая сорочка и галстук – на обычного пенсионера, вышедшего за утренними покупками, мужчина не походил. Походка заплетающаяся, спотыкается на каждом шагу, но то, что старик не пьян, Димка понял практически сразу: увидел падающие на асфальт капли крови.

«Дела...»

Орешкин растерялся. Что делать? Пройти мимо? Даже не пройти – убежать. Кто знает, почему старик в крови? В такие истории влипать не стоит.

Правильные мысли в голове крутились, верные. Спасительные. Вот только ноги почему-то не слушались. Замер Димка как вкопанный на том самом месте, с которого увидел цепочку кровавых пятнышек. Замер. Без движения.

«Хорошо бы стать невидимым...»

Тем временем старик споткнулся в последний раз и упал на колени. Силы его покидали, но упрямство или инстинкт самосохранения заставляли продолжать движение.

Он пополз. Преодолея несколько метров на четвереньках, невнятно бормоча что-то на гортанном языке, а потом скатился по ступеням, ведущим к подвальной двери.

Орешкин сглотнул и огляделся. Во дворе было пусто. И тихо. Ни одного человека. Ни собак, ни кошек, ни птиц. Только голос в наушниках поет о разудалом морячке. Чужой голос, ненастоящий, безжизненный. Внезапно Димке захотелось увидеть кого-нибудь. Все равно кого: человека, собаку, кошку, птицу – неважно. Увидеть кого-то, кто продолжает жить обычной жизнью. Кто хмуро идет по своим делам, ежась на морозном весеннем ветру. Не падает. Не оставляет за собой кровавые следы. Димке захотелось увидеть кого-то, кто смог бы вернуть его в нормальный мир.

Не увидел.

Во дворе по-прежнему было пусто.

Неестественно пусто.

«Надо вызвать милицию».

«А вдруг он просто порезался?»

«Тогда надо вызвать „Скорую“.

«А вдруг в него стреляли?»

«Тогда – милицию».

«Пойди посмотри, что с ним случилось, и тогда решишь».

Легко сказать: пойди посмотри.

Но и бросать человека в беде не хотелось. Димка вдруг понял, что не сможет уйти. Не сможет, и все. Не такой уж он и плохой. Нормальный он, не из тех, что мимо проходят.

Орешкин выключил плеер, снял наушники, достал из кармана телефон, крепко сжал пластиковую трубку, так, словно она была оружием, и медленно подошел к лестнице.

– Эй!

Старик полулежал внизу. На грязной и заплыванной площадке, перед ведущей в подвал железной дверью. Резко пахло мочой, и валялся мусор: рваные пакеты из-под чипсов, разбитые бутылки, смятые пивные банки, тряпки какие-то, палки... И мужчина, угрюмо изучающий свой окровавленный живот.

– Вам нужна помощь?

Старик поднял голову. Черные волосы с проседью. Резкие черты лица. Смуглая кожа. Большой нос. Черные глаза.

«Дарагой, бери урюк, хадить будэш в белый брюк!»

Но сейчас не было гвоздик или мандаринов. Перед Орешкиным лежал раненый человек. Просто человек.

– Позвонить в «Скорую»?

– Сюда подойди.

– Вам нужна помощь.

– Ко мне подойди, пацан, я не трону.

Он не тронет! Можно, конечно, посмеяться, но Димке было не до веселья. Во-первых, ситуация не располагала, во-вторых... голос раненого срывался, чуть дрожал, но в нем все равно чувствовалась властность и сила. Настоящая сила. Орешкин вдруг подумал, что, не будь в животе старика дырки, он бы уделал годящегося ему в сыновья Димку одной левой.

Но дырка была. И была кровь. И настойчивая просьба:

– Ты глухой, что ли, а? Подойди, говорю!

Димка сошел по ступеням вниз, присел возле раненого на корточки. На живот Орешкин смотреть боялся, пришлось, вопреки собственным принципам, встретиться со стариком взглядом.

– Русский?

– Русский, – подтвердил Димка.

Раненый поморщился, пробормотал что-то, похоже, выругался.

– Ладно, пусть будет русский. Все лучше, чем этим шакалам ее дарить...

– Каким шакалам? – «За ним наверняка гонятся! Что я наделал?!» На Орешкина накатиł страх. – Давайте я «Скорую» вызову, а вы сами разбирайтесь.

– Поздно, русский, поздно. – Старик усмехнулся. Нет – ощерился. – Мне твоя «Скорая» не поможет, понял? Я умираю. А звонок засекут. И тебя вычислят. Придут и спросят.

– О чем?

– Узнаешь о чем.

– Я уйду!

– Сиди, не рыпайся.

Твердые пальцы тисками сдавили плечо Орешкина.

«Господи, откуда у него столько сил?»

– Я умираю, русский, понял? Умираю. А тебе повезло. Джекпот тебе достался, русский.

– О чем вы говорите?

– Денег хочешь? Много денег? Будут тебе деньги! Аллахом клянусь – будут. Ты не убегай, русский... Не убежишь?

Димка отрицательно мотнул головой. Старик отпустил его руку и принялся стаскивать с пальца массивный перстень.

– Слушай, русский, найди моего сына...

«Никаких историй!!!»

Упоминание о деньгах – больших деньгах! – на некоторое время заставило Орешкина позабыть об опасности. Но при словах «найди моего сына...» инстинкт самосохранения попытался взять верх над жадностью.

– Я ничего не возьму! И не буду никому ничего передавать.

Димка даже попытался встать, но старик, продемонстрировав отличную сноровку, успел вцепиться Орешкину в руку.

– Не будь дураком, русский!

И добавил несколько слов на своем языке. Ругался? Наверное, ругался. Строптивного Димку ругал и просто так, потому что больно. А когда больно, всегда ругаются.

– Я не возьму!

– Миллион, русский, миллион тебе сын даст, понял? Только не жадничай! Больше не проси! Миллион! Миллион даст, Абдулла у меня умный. Он все поймет. Он шакалов порежет, а тебе – миллион, понял, русский? Миллион! Только перстень Абдулле отдай, русский, отдай! И скажи, чтобы ей не верил.

– Кому?

– Он знает! Скажи: отец велел ей не верить! Ни одному слову не верить! Ей нельзя верить!

Старик замер. Замолк на полуслове, невидяще глядя на Орешкина. Димка наклонился к нему:

– Вы...

Умолк. Понял. Задрожал. С лихорадочной поспешностью разлепил пальцы мертвеца и бросился вверх по ступенькам, сжимая в кулаке окровавленный перстень.

* * *

С самого детства Мустафа Батоев страдал из-за своего невысокого роста. Он был самым маленьким парнем во дворе, самым маленьким учеником в классе, самым низеньким студентом на курсе. А если добавить к этому наличие избыточного веса да косої правый глаз, то картина получится совершенно безрадостная. Друзья над Мустафой посмеивались, девушки

в упор не замечали, а красавица Зина, по которой вздыхал едва ли не весь факультет, как-то заметила, что подобный внешний вид можно простить только Наполеону.

Батоев это высказывание запомнил.

Стиснул зубы, побледнел, но промолчал. Ушел с той вечеринки и до утра бродил по московским улицам.

«Наполеон? Хорошо. Раз ты настаиваешь – пожалуйста».

Ребенок, наделенный столь кошмарной внешностью, имеет все шансы вырасти закомплексованным неудачником, прикрывающим неуверенность громкими словами и рисованным поведением. Всю жизнь он будет доказывать самому себе, что чего-то стоит, любоваться мелкими победами и люто ненавидеть более успешных людей. Батоев же оказался слепленным из другого теста. Ему ничего не нужно было доказывать себе – только окружающим. Если мир не хочет смотреть на него как на равного, миру придется встать на колени и жалко взирать на Мустафу снизу вверх. Других вариантов и быть не может. Хитрый, как лиса, жестокий, как волк, и целеустремленный, как самонаводящаяся ракета, Батоев бросил вызов судьбе и победил. Он брался за самые сложные поручения и выполнял их с блеском. Он научился разбираться в людях и никогда не ошибался в поведении: кому-то – льстил, перед кем-то – заискивал, с кем-то – держался на равных. И в результате маленький студент, приехавший в Москву без гроша в кармане, поднялся настолько, что при желании смог бы купить всех бывших сокурсников оптом. Как Зину, которой пришлось дорого заплатить за легкомысленно нанесенное оскорбление.

Мустафа никому ничего не прощал.

Даже себе.

И любую, пусть даже самую мелкую неудачу Батоев переживал так, словно случилась катастрофа вселенских масштабов.

– Где? Куда он его дел?! Куда?!!

Мустафа приказал остановить машину на набережной, выскочил из бронированного «Хаммера» и пнул ногой колесо. Телохранители встали вокруг бушующего хозяина, но и они, и Хасан, ближайший помощник толстяка, старались не привлекать к себе внимания Батоева. Держались подальше и вели себя тихо-тихо, радуясь, что гнев Мустафы направлен не на них.

– Куда ты его дел, старый мерзавец? – Батоев с ненавистью посмотрел на четки, намотанные на руку. – Куда спрятал?

Короткий всхлип, еще один удар по неповинному джипу.

– Ненавижу!

Батоев обернулся. Маленькие глазки медленно обежали помощников, нащупывая жертву. На кого выплеснется бешенство хозяина? В такие моменты молчание становилось опасным, и Хасан решил подать голос:

– Может, сегодня старик не надел перстень?

– Он его не снимал. Никогда не снимал!!

– Но ведь мы его кончили, – буркнул помощник.

И втянул голову в плечи – настолько страшно сверкнул глазами Мустафа.

– Да плевать я хотел на это! Плевать!! Мне нужен перстень! Мне нужен перстень старого хрена! Сейчас! Немедленно!!

Он опоздал совсем ненамного – старик умер перед самым появлением Батоева. Неостывшее еще тело нашли на грязной площадке, среди мусора, в настолько вонючем месте, что даже запах крови там почти не ощущался.

«Собаке – собачья смерть», – пробормотал кто-то из телохранителей.

Мустафа не ответил. Или не услышал. Увидев поверженного врага, он не смог сдержать улыбку, которая, впрочем, почти сразу же исчезла: труп – это еще не все. Батоеву было нужно другое. Он торопливо спустился к старику, осмотрел его руки, выругался и с лихорадочной

поспешностью обыскал карманы убитого. А когда закончил, то... что это был за звук, никто не понял, но Хасан мог бы поклясться, что хозяин скрежетал зубами. Так скрежетал, что слышали даже оставшиеся наверху помощники. Потом Мустафа еще раз обыскал мертвеца, приподнял тело и тщательно осмотрел площадку. Рылся в мусоре. Снова ругался. Снова обыскивал. Замер, отрешенно глядя на старика, и позволил увести себя только при звуках сирены патрульных машин.

Потом он молчал, развалившись на заднем сиденье и вертя в руках прихваченные у мертвеца четки, а когда опасный район остался далеко позади, приказал остановиться и дал волю гневу.

– Облажались, твари! Предали!

Ничего не понимающий Хасан сделал несколько шагов назад. Что происходит? Старик мертв, все в порядке. Какой к чертям перстень? Своих мало?

– Все изгадили! Все!

Мустафа растоптал неосмотрительно зазвонивший телефон, разорвал ворот рубахи, словно мучился от удушья, и разбил один из фонарей любимого «Хаммера». Несколько случайных прохожих, шедших по набережной, осмотрительно обогнули участок, заставленный блестящими авто.

– Дети ослицы! Уроды!!

Припадок ярости длился сравнительно недолго, минут семь. То ли Батоев сумел излить весь гнев, то ли опомнился, осознал, что бесится у всех на виду, теряя лицо перед прохожими. Как бы то ни было, Мустафа пришел в себя, замолчал, облокотился на парапет набережной, процедил несколько слов и бросил в реку четки.

Хасан, которого нервировал прихваченный на месте преступления сувенир, перевел дух. И вновь напрягся: Батоев жестом велел ему приблизиться.

– Перед смертью старик с кем-то говорил, – негромко, но безапелляционно произнес Мустафа.

– Может, его ограбили? – робко предположил Хасан. – Мало ли вокруг отребья? Увидели умирающего и сняли с пальца перстень.

– Может, и ограбили, – кивнул Батоев. – Но почему, в таком случае, они оставили бумажник и часы?

– Не успели.

Мустафа помолчал, усмехнулся:

– Тебе придется найти воришку.

Хасан вздохнул:

– Понятно.

– Но я не думаю, что ты прав, – продолжил Батоев. – Я думаю, все гораздо хуже: старик с кем-то говорил перед смертью и сознательно отдал перстень.

– Почему хуже?

Ограбить умирающего мог любой бомж, сорвал с пальца перстень и был таков, ищи его теперь, прочесывая ломбарды и скупки. И совсем другое дело, если к старику поспешил на помощь приличный человек. Двор глухой, утро раннее – с вероятностью девяносто процентов можно сказать, что это житель одного из окрестных домов. Найти его – день работы.

– Почему второй вариант хуже?

– Потому что старик наверняка попросил доставить перстень сыну, – спокойно ответил Мустафа.

Но Хасан видел, чего стоило хозяину это спокойствие. Чувствовал, какая ярость кипит внутри Батоева.

– И если мое предположение оправдается, Абдулла может уже сегодня получить перстень.

Хасан тихонько вздохнул, мысленно досчитал до пяти и решил:

– Это плохо?

– Очень плохо, – подтвердил Мустафа. – Это значит, что мы напрасно грохнули старого ублюдка. Что мы крепко подставились, но ничего не получили. – Батоев выдержал паузу. – Хасан, я хочу, чтобы ты начал расследование. Я хочу, чтобы ты следил за действиями милиции. Я хочу, чтобы ты нашел уroda, который унес мой перстень, до того, как он придет к Абдулле. Это понятно?

– Да.

В глазах Мустафы вспыхнул гнев.

– Я спрашиваю: это понятно?!

– Я сделаю все, чтобы найти перстень, – твердо ответил Хасан.

– Так-то лучше. Но все равно недостаточно. – Батоев закурил сигарету. – Мне не надо, чтобы ты что-то там делал. Мне надо, чтобы ты нашел.

* * *

Улицу перегородили полностью, не пройти, не проехать. Машины, участвовавшие в перестрелке: тягач, мусоровоз, похожие на решето джипы, разбитый всмятку «Мерседес». Помимо них – патрульные «Жигули», микроавтобусы экспертов, кареты «Скорой помощи». Количество сотрудников милиции просто не поддавалось счету – армия! Врачей чуть меньше. И масса журналистов, поспешивших на место шумной разборки. Щелкают затворы фотоаппаратов, толкают друг друга операторы, торопливые вопросы людям, вдруг кто чего видел? Вдруг наткнешься на свидетеля, до которого еще не добрались милиционеры? Вдруг именно твой кровавый репортаж станет лучшим?

Комментарий, который дал вышедший к репортерам офицер, вызвал ажиотаж. Милиционеры окружили плотной стеной, требовали говорить громче, перебивая друг друга, задавали вопросы. Когда все закончилось, «говорящие головы» принялись позировать, требовали от операторов вставить в кадр расстрелянные автомобили, трупы. Побольше трупов. С лихорадочной поспешностью проговорили тексты сообщений и бросились к фургончикам перегонять картинки в редакции – приближалось время новостей. Работа кипела. Трупы ждали отправки в морг. Эксперты собирали гильзы.

Димка, не сумевший пробиться к комментирувавшему происшествие милиционеру, угодил сигаретой стоявшего рядом мужика:

– Не слышал, кого шлепнули?

– Ибрагима Казобекова, – важно ответил тот.

– Ни фиги себе... – пробормотал Орешкин.

Даже Димка, не особо следящий за новостями, знал это имя – Ибрагим Казобеков. Его давно перестали называть бандитом, но все знали, что огромное состояние преуспевающего бизнесмена создано отнюдь не праведным путем. Впрочем, доказать что-либо можно только в суде, а с этим у Казобекова было все в порядке: свидетелей нет, доказательств нет, значит, чистый и честный. И все, нажитое непосильным трудом, – гостиницы, рестораны, сеть бензоколонок, ночные клубы – твое по праву. Владей, передавай по наследству.

– Большим человеком был, – продолжил мужик. – Миллионами ворочал, и что? Пуля в лоб, и до свидания. Вот и думай теперь, что лучше: миллионы или зарплата честная.

Сказал с таким видом, будто еще до полудня должен сделать нелегкий выбор: отказываться от богатства или нет?

– Менты, я слышал, говорили, что теперь в Москве большая буза начнется. У Ибрагима три сына, они за папашу всех рвать станут. Крови будет – море.

Нет, порой на улице можно встретить настоящих самородков. Не просто свидетелей, а глубоких аналитиков, способных мгновенно обрисовать вам всю подноготную происходящего. Мыслителей.

Следующие слова мужичонка произнес так, словно тщательно изучил оперативную обстановку в городе и пришел к выводу:

– Трудные времена начинаются. Усиление будет.

Димка растоптал сигарету, поежился, бездумно разглядывая искореженные машины. Перстень, лежащий в кармане куртки, заставлял нервничать. Казалось, его видит каждый встречный. И каждый знает, что именно с ним, с Дмитрием Орешкиным, говорил перед смертью могущественный Ибрагим Казобеков.

«А ведь узнают! – Димку прошиб пот. – Там же дома вокруг! Меня в окно могли видеть!»
Ноги ослабли.

– Это, наверное, из-за автосервисов, – продолжил между тем мужичок. – У меня племянник в автосервисе работает. Говорил, что Казобеков к автосервисам подбирался. Под себя хотел подмять. А это же какие деньги, да?

– Да...

– Есть еще сигареты?

– Пожалуйста.

– Вот и подумай. В автосервисах небось своя мафия. Там ведь такие деньги крутые вертятся. А Казобеков наехал. Вот его и грохнули. Точно говорю – все дело в автосервисах. Или в бензоколонках – тот еще бизнес...

– Территорию он не поделил! – подал голос другой знаток.

– Какую еще территорию? – взвился мужичок.

– Знамо какую: московскую. Славяне ее себе вернуть хотели, а Ибрагим на дыбы. Вот его и шлепнули. Чтобы не зарывался, значит.

– А я говорю – автосервисы!

Димка, не сводя глаз с собеседников, сделал два шага назад. Толпа зевак послушно расступилась, выпустила Орешкина на волю и вновь сомкнула ряды.

– Славяне!

– Автосервисы!

Орешкин медленно брел к метро.

Была у Димки мысль выбросить перстень. Была.

Массивное кольцо оттягивало карман, жгло тело, леденило душу. Тяжесть его заставляла ноги подгибаться. А кровь на нем – чужая кровь – вызывала дикий страх. Пальцы дрожали, перед глазами плыло, казалось, выброси перстень – и все пройдет. Как рукой снимет. Потому что в этом случае ты ни при чем.

Но...

«Поздно, русский, поздно...»

Когда они придут, а, бредя к метро, Димка почти не сомневался в том, что его обязательно найдут, то лучше странный подарок отдать, чем рассказывать, в какую помойку его выбросил.

Да и о деньгах старик чего-то говорил...

* * *

Насилие всегда считалось одной из низших форм человеческих взаимоотношений. Если ты силен – дави на соперника, используй свой авторитет, репутацию, в какие-то моменты угро-

жай, в какие-то – иди на компромисс. Иногда, ради получения грандиозного приза, достаточно поступиться сущей мелочью. Другими словами – разговаривай.

Надо ведь хоть чем-то отличаться от животных.

Тех же, кто сразу пускает в ход кулаки, не любят. Лихая бесшабашность хороша в голливудских боевиках, но вызывает раздражение в реальной жизни. Об отморозках слагают легенды, но стараются их пристрелить при первой же возможности.

Батоева тупым громилой не считали. Напротив, в криминальном мире Москвы Мустафа пользовался заслуженной репутацией человека умного и расчетливого. Конечно, коллеги по нелегкой профессии понимали, что Батоев непредсказуем – они и сами были такими же, – но отморозок? Нет, это не о нем.

И потому, узнав о неожиданном и жестоком ударе по клану Казибекowych, к Мустафе направили переговорщика – человека, которому одинаково доверяли и Батоев, и московские лидеры. Человека с незапятнанной репутацией.

– Хороший чай, – похвалил Розгин, поднося к губам пиалу.

– Освежает, – кивнул Мустафа.

– И замечательное послевкусие.

– Ты же знаешь – чай моя слабость.

– Единственная.

Батоев тонко улыбнулся:

– Не могу позволить себе больше.

– Прекрасно тебя понимаю.

Павел Розгин был адвокатом. Умным, удачливым и весьма известным. Он специализировался на международном праве и консультировал едва ли не всех российских уголовников, собравшихся вести дела за рубежом. Стоили услуги Розгина чрезвычайно дорого, но он никогда не ошибался и помог сэкономить не один десяток честно украденных миллионов. К тому же Павел славился щепетильностью: он не воровал и не болтал. Он был полезен многим весомым людям, что защищало его гораздо лучше любых телохранителей. В общем, Розгин оказался едва ли не идеальным человеком для непростых переговоров внутри сообщества.

– Мустафа, – осторожно произнес адвокат, – ты понимаешь, зачем я приехал: люди удивлены твоим поведением.

– Они напряглись?

– Разумеется, – подтвердил Розгин. – Но пока воздерживаются от решений. Хотят послушать, что ты скажешь.

– Павел, – спокойно ответил Батоев, – пожалуйста, передай людям, что все произошедшее касается только меня и Казибекowych. Шли переговоры, которые Ибрагим не афишировал. Сегодняшние события стали следствием возникшего между нами недопонимания.

– Ты ведь приходишься родственником Казибекowym?

– Ибрагим мой двоюродный дядя.

– Он помог тебе подняться.

Мустафа помолчал.

– К чему этот разговор?

– Людей удивило то, что произошло, – объяснил адвокат. – Если бы известные события приключились два года назад, все бы восприняли их как само собой разумеющееся. Но сейчас все изменилось. Ибрагим отдал тебе очень хороший кусок, а сам ушел в легальный бизнес. Ваши интересы не пересекались. Тем не менее случилось то, что случилось. Пойми, Мустафа, ты можешь приобрести очень плохую репутацию. И поэтому в твоих интересах объяснить свои мотивы.

Никому не хочется жить на вулкане. Сегодня – Ибрагим Казибеков, завтра – кто-нибудь другой. Или у Батоева был веский повод для действий, или его переведут в разряд отморожков и постараются обезвредить.

Второй вопрос: начнется ли масштабная война? У Ибрагима осталось три сына, старший из которых – Абдулла – не забыл славное семейное прошлое и способен выставить солдат против подлого родственника.

Батоев медленно долил чай в свою пиалу.

«Проклятье! От скольких проблем я бы избавился, завладев перстнем!!»

Не повезло. Теперь приходится вести переговоры, юлить, оправдываться.

– Кстати, это правда, что почти одновременно с известными событиями кто-то наведлся в принадлежащий Ибрагиму пентхаус на «Соколе»?

Мустафа не ответил. Медленно пил чай, не сводя глаз с качающихся за окном веток.

Правда? Конечно, правда. Он давно ждал удобного случая и разыграл партию как по нотам. Ранним утром купленный человек из окружения Казибекова сообщил, что ночь Зарема и старик провели в пентхаусе, после чего Ибрагим в одиночестве отправился в офис – он не любил показываться с девушкой на публике. Вечером они должны были вылететь в Париж. Более подходящий момент и представить трудно. За пять минут до того, как кортеж старика попал в засаду, восемь отборных солдат проникли в пентхаус и увели Зарему. Узнав об этом, Мустафа едва не взвыл от радости, но очень скоро последовал холодный душ: перстень раздобыть не удалось.

Но надежда на успех еще сохранялась.

– Павел, – твердо сказал Батоев, – передай людям, что я готов встретиться с ними завтра вечером. Лицом к лицу. Я приеду, куда они скажут, и без утайки расскажу о причинах, которые заставили меня так поступить с Ибрагимом. Я позволю им самим сделать вывод о том, достаточно ли вескими были эти причины. Мне нечего скрывать.

– Завтра вечером? – прищурился адвокат.

– Да, завтра вечером.

Почти через сорок часов. Вполне достаточно для того, чтобы решить проблемы и предстать перед людьми победителем.

– Я думаю, они согласятся, – улыбнулся Розгин.

– Я тоже так думаю, – кивнул Мустафа.

Несколько мгновений мужчины молча смотрели в глаза друг друга.

– Но если за эти сорок часов случится большая война, – негромко произнес адвокат, – тебе ее не простят. Постарайся уладить свои дела без лишнего шума. Хотя... – Розгин покачал головой, – учитывая, что мы говорим об Абдулле, сделать это будет очень сложно.

– Абдулла не станет лезть на рожон, – с уверенностью, которой у него не было, бросил Батоев.

– Почему ты так думаешь?

– Есть основания.

– Ну что ж, надеюсь, ты прав. – Адвокат поднялся. – Спасибо за чай.

Мустафа отлично понимал, как ему повезло. Получить от лидеров московских кланов целых сорок часов на решение проблем – огромная удача. Батоев со страхом ждал, что «разбор полетов» назначат на этот вечер, но Розгин согласился на завтра, значит, у него были такие полномочия.

«Зря Ибрагим покинул сообщество. Будь он в прежней силе, они бы засуетились...»

А так решили повременить.

В действительности же переживания Мустафы были вызваны исключительно потерей перстня. Завладей он кольцом, встречаться можно было хоть прямо сейчас – его позиции ока-

зались бы неуязвимы. Батоев строил свои планы исходя из того, что получит и Зарему, и перстень, он и в мыслях не допускал провала и теперь был вынужден лихорадочно искать выход.

– Хасан!

Помощник, ожидавший в соседней комнате, быстро вошел в гостиную.

– Да?

– Что с перстнем?

Хасан развел руками:

– Менты опросили всех жителей двора, в котором нашли Ибрагима. К сожалению, никто ничего не видел. Остается надежда на тех, кто вернется вечером с работы. Может, они дадут какой-нибудь след.

– Бомжи?

– Наши ребята трясут всех бродяг округа. Пока безрезультатно.

– Где Абдулла?

– В загородном доме. – И сразу же, не дожидаясь вопроса: – Наш человек сообщает, что никто подозрительный к нему не приезжал. И сам Абдулла не выражает желания покидать крепость.

Если старик и попросил кого-нибудь передать перстень сыну, этот кто-нибудь пока не дал о себе знать.

– У нас есть время до завтрашнего вечера, – медленно сообщил Батоев.

– Немного.

– Ты должен успеть.

Хасан кивнул.

* * *

«Миллион! Он сказал: миллион!!»

И забавно так сказал: не жадничай, не проси больше, миллион сын даст.

«Миллион!!»

Жадничать? Как вы это себе представляете? Просить больше миллиона? Нет, лучше синица в руках. Жирная, толстая синица, у которой целый миллион зеленых перьев! Девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять долларов! И еще один.

Или попросить миллион евро?

Или миллион фунтов? Они вроде дороже?

Точно – миллион английских фунтов! Старик же не уточнял, в какой валюте должен заплатить его сын за возвращение перстня. Правильно, надо так и сказать: ваш отец сказал, что вы должны заплатить миллион фунтов стерлингов.

«Миллион!!»

Орешкин оглядел комнату. Семнадцать метров, окно на стену соседнего дома, краска на подоконнике потрескалась, осыпается. В дальнем углу отклеиваются обои. Старый диван с протершейся на подлокотниках обивкой. Пыльный сервант, в котором стоят хозяйские чашки. Трехдверный шкаф, скрипящий при открывании. Телевизор с видеомагнитофоном и аудиоцентр – это собственность Димки. Все остальное – чужое.

– А хватит ли мне миллиона? Кто знает, сколько стоит двухкомнатная квартира? Или трехкомнатная? Нет, у человека с миллионом фунтов не может быть трех комнат. Четыре! Не меньше! Я ведь серьезный мужчина!

И обязательно новая иномарка. Квартиру можно купить и в старом доме, в «сталинском», к примеру, а вот машина должна быть блестящей, только что с конвейера. И чтобы кожаный салон, кондиционер, стереосистема... Что еще может быть в крутой тачке, Орешкин не знал, но был уверен, что менеджеры в салоне подскажут.

«Джип куплю! Или „Ягуар“? Или „Феррари“? Нет, слишком крутую не надо, я ведь скромный парень. Ха-ха-ха!»

Жизнь, еще несколько часов назад такая серая и неуклюжая, стала окрашиваться яркими красками.

«Миллион!!»

«Главное – не спустить его, по глупости не растратить! Часть денег в банк, пусть проценты тикают, остальные вложить в дело. В какое?»

– Фирму открою! Буду дверями железными торговать!

И рассмеялся собственной шутке. Представил вытянувшуюся физиономию генерального. Рассмеялся снова. Вспомнил Нину.

«Нет, такая курица мне теперь не пара».

Восторженные мысли не помешали Димке продумать дальнейшие действия: «Звонить надо только с уличного автомата и ни в коем случае не из моего района. Постараться вывести номер его секретаря. Или службы безопасности. Сказать, что есть информация о смерти отца, но тут же предупредить, что говорить буду только с Абдуллой, дать им время собраться с мыслями и перезвонить через полчаса. За это время они успеют доложить хозяину...»

Хороший план. При удачном стечении обстоятельств во второй раз он уже будет говорить с сыном старика.

«Миллион!!»

– Но за что? – Димка взял в руки отмытый от крови перстень. – Неужели он столько стоит?

Орешкин плохо разбирался в ювелирных изделиях, но ему казалось, что обычное кольцо не может стоить столь дикую сумму – целый миллион! Нет, подождите! Если хозяин готов заплатить за возвращение перстня миллион, значит, стоить колечко должно дороже, гораздо дороже. Раза в три. А то и в десять!

«Десять миллионов?!»

Он покрутил перстень в руке. Массивный, золотой, покрыт тонкой арабской вязью, весомый рубин и... Только сейчас Орешкин разглядел, что внутри камня проглядывает какой-то знак. Димка включил настольную лампу и склонился над перстнем, осторожно повернул его одним боком, другим...

– Есть!

При определенном угле падения света внутри рубина отчетливо виднелась шестиугольная «печать Соломона».

– Ух ты! – Орешкин положил тяжелое кольцо на стол и почесал в затылке. – Круто!

«Не трать время на ерунду! – посоветовал прагматичный внутренний голос. – Действуй, как решил: ищи Абдуллу и возвращай ему перстень. Миллион – это очень хорошие деньги».

«Но колечко-то с секретом!»

«Забудь! Наверняка это просто древняя семейная реликвия, передаваемая от отца к сыну. Что-то вроде символа власти. Поэтому старик так трясся».

«А если оно стоит гораздо больше, чем миллион?»

«И кому ты его продашь?»

«Но ведь я не дурак!»

«Гм... – противный внутренний голос промычал нечто неразборчивое. Кажется, выражал сомнения в последнем высказывании Орешкина. – Не забывай, что тебя могли видеть. А значит...»

Через некоторое время в дверь маленькой однокомнатной квартиры постучат не склонные шутить ребята.

Димка потер лоб.

«Не будь идиотом! Звони!!»

– Это старинный перстень, – громко произнес Орешкин, пытаясь почерпнуть уверенности в собственном голосе. – Антикварный перстень. Или о нем, или о таких, как он, наверняка известно историкам.

«Ты кретин!!»

– Я просто узнаю, что это за колечко, и все. В конце концов, мне интересно.

И Орешкин торопливо, пока не исчез запах, включил компьютер.

* * *

Сопение за спиной становилось все громче и громче. Горячее дыхание навалившегося мужчины обжигало шею и плечи, а его твердое естество внутри нее, казалось, долбило прямо в сердце. Движения мужчины ускорялись, они были неприятны, постыдны, себе самой она казалась грязной... но Зарема стонала. Против воли, против желания получая удовольствие от грубой ласки Мустафы. Он прижал девушку лицом к простыням, вошел сзади и пыхтел. Она чувствовала его рыхлый живот и кусала губы, стараясь не стонать, не показать, что вот-вот испытает оргазм.

Она не хотела, не желала.

Но не смогла сдержаться.

Их голоса слились. Последовало еще несколько толчков, после чего удовлетворенный Батоев отодвинулся и позволил Зареме откатиться в сторону.

– Понравилось?

Девушка старалась не смотреть на Мустафу. Легла на бок, поджав ноги к груди, и потянула на себя тонкую простыню.

Батоев погладил большой живот:

– Знаю, что понравилось, слышал. Не печалься, Зарема, тебе будет хорошо со мной.

Она вспомнила, как он вошел в комнату. Как остановился, с недоброй усмешкой оглядывая ее, как раздулись его ноздри... Зарема знала, что возбуждает Мустафу, они виделись всего несколько раз, но на каждой встрече девушка ловила его жадный взгляд. Впрочем, ей было не привыкать: большинство мужчин с восторгом изучали ее фигурку, миниатюрную, но очень соразмерную. Высокая грудь, стройные ноги, узкие плечи, тонкая шея, огромные глаза на узком лице и длинные черные волосы. И родинка на левой щеке. Маленькая и изящная, как сама девушка. Зарема привыкла к жадным взглядам, не обращала на них внимания, уверенно чувствуя себя за спиной Ибрагима. И плюгавого Мустафу она никак не выделяла из толпы – он был всего лишь одним из подданных старого Казибекова.

Но вот все поменялось.

В очередной раз.

Сегодня Батоев смотрел на нее по-хозяйски. А Зарема стояла, опустив голову. Беззащитная, покорная. Она ничего не могла сделать, она оказалась в западне. Потом Мустафа велел ей снять блузку, лифчик, долго мям грудь, залез в трусы. Затем уселся на диван, распахнул халат и посадил девушку на колени. Лицом к лицу. Велел целовать себя в слюнявый рот. Показал, кто хозяин.

А потом началось самое неприятное.

Зареме стало горько. И даже еще горше от мысли, что горячему телу понравился молодой мужчина. Она проклинала себя за то, что ей было хорошо.

– Что мог дать тебе старик? – весьма мягко проговорил Батоев, наполняя вином два бокала. – Ничего. Он доживал свой век и ничего не хотел. Со мной же тебе будет гораздо лучше.

Мустафа прилег на кровать рядом с девушкой, подпер голову рукой.

– Ты хандрила, скучала по настоящей жизни.

– Мне было хорошо у Ибрагима, – ровно ответила Зарема. – Я ни на что не жаловалась.

– И теперь не будешь, – пообещал Батоев. – Будь хорошей девочкой, и я стану обращаться с тобой не хуже, чем старик.

«Не хуже? – Зарема едва сдержала горький смех. – Не хуже! Глупый, глупый Мустафа, неужели ты не понимаешь, что Ибрагим начинал точно так же: набрасывался, подавлял, наслаждался властью». Первые несколько месяцев в доме Казибекова стали для девушки непрекращающимся кошмаром. После Ибрагим остыл, утолил голод, а когда обрел могущество и начал играть с судьбами других, изменил отношение к Зареме. В последние годы и вовсе называл девушку «дочкой».

Но память о первой встрече остается навсегда.

– Ты ведь знаешь, что я могу превратить твою жизнь в ад, – улыбнулся Мустафа. – А могу – в рай. Все зависит от меня.

– Пока я этого не знаю, – спокойно ответила Зарема.

Батоев осекся.

«Я угадала!!»

– Ты трахаешь меня, но берешь силой. Не приказываешь. – Девушка выдержала паузу. – Почему?

Мустафа помрачнел:

– Не забывайся.

– У тебя нет перстня!

– Я его найду! – хрипло бросил Батоев.

– Старик тебя обманул! Ты его убил, но не получил перстень!

Зарема звонко рассмеялась. Получила удар по губам, но продолжала смеяться, в упор глядя на злящегося Мустафу. Да и удар оказался не сильным, Батоев отчего-то не хотел делать девушке больно. Ударил, чтобы замолчала.

– Прекрати! – В маленьких глазках Мустафы сверкнуло бешенство. – Заткнись!!

Девушка поняла, что пора остановиться. Пусть Батоев и не имеет над ней полной власти, но сейчас она в его руках, и у Мустафы есть тысяча способов сделать ее существование невыносимым. Зарема перестала смеяться, но продолжила разговор издевательским тоном:

– Что ты теперь собираешься делать, убийца своего дяди?

– Трахать тебя я могу и без перстня, – угрюмо ответил Батоев.

– Но разве ты этого добивался? Тебе нужна вся власть, так?

Мустафа медленно допил вино, поставил бокал на тумбочку, чему-то улыбнулся, глядя на закрывающую окно тяжелую штору, почесал живот и тихо, но **ОЧЕНЬ** уверенно произнес:

– Все равно, Зарема, все будет так, как я решил. Я добьюсь своего. Меня не остановить.

Улыбка сползла с лица девушки. Если до сих пор она не воспринимала Батоева всерьез, старалась уколоть, ужалить, даже унижить, если получится, то теперь поняла: перед ней Наполеон. Было в негромком голосе Мустафы столько силы, что старый Ибрагим, не убей его племянник, удавился бы от зависти.

А потом Зарема представила, что он может сделать, и ей стало страшно.

– Если ты продолжишь мне дерзить, тебя будут трахать все мои солдаты. И сейчас, и потом. Всегда. Ты станешь их подстилкой. Они будут плевать тебе в лицо и...

– Не надо. Пожалуйста, не надо.

Батоев кивнул:

– Хорошо, что мы начали понимать друг друга. – Снова почесал живот. – Ты меня обидела, Зарема, постарайся загладить свою вину.

Девушка все поняла, тихонько вздохнула и послушно отбросила в сторону простыню.

– Надеюсь, новости действительно стоят моего беспокойства, – пробурчал Мустафа, открывая дверь кабинета. – Что случилось?

Хасан дождался, пока хозяин усядется в глубокое кресло, чиркнул зажигалкой, помогая Батоеву раскурить сигарету, и с тихой радостью поведаль:

– Есть след! Менты нашли свидетеля!

Глаза Мустафы сверкнули.

– Говори.

– Отправляясь на работу, один из жителей домов встретил незнакомого мужчину. Обратил внимание, потому что двор глухой и чужие там бывают крайне редко. Нам повезло: свидетель оказался бывшим гэбистом, а сейчас работает в охранным агентстве, так что мужика он описал досконально.

Батоев выхватил из рук помощника лист бумаги, нетерпеливо пробежал взглядом по строчкам: «...тридцать – тридцать пять лет... темные волосы... нос... одет...» Откинулся на спинку кресла, прищурился:

– Это уже кое-что.

Обычный человек опустил бы в такой ситуации руки: как отыскать в десятиmillionной Москве тридцатилетнего мужчину с темными волосами? Опрашивать каждого встречного? Дать объявление в газету? Но Хасан не даром ел свой хлеб.

– Гэбист сказал, что никогда раньше этого мужика не видел, а направлялся тот к метро. Вывод: или ночевал у подружки, или приезжал по делам. Завтра утром два десятка наших пойдут по окрестным домам и офисам. Фоторобот у нас есть. Уверен, к полудню мы найдем уroda.

Хотелось приказать действовать прямо сейчас, немедленно: врываться в квартиры и будить людей, но Мустафа понимал, что надо ждать.

– Хорошо, Хасан, я очень тобой доволен.

* * *

Говоря откровенно, вряд ли бы Димка решился искать следы антикварного перстня, не будь у него маленького хобби – история Второй мировой войны. У многих интерес к тому времени проходит. Взрослея, дети забывают рассказы дедов-фронтовиков, старые фильмы начинают восприниматься совсем иначе, нежели раньше, и память о самой большой войне в истории человечества оживает лишь 9 Мая. У Орешкина же детская увлеченность не пропала. Не стала, как это иногда бывает, профессией, но никуда не делась. Димка внимательнейшим образом читал документальные материалы, посещал пару военно-исторических клубов и, бывало, до остервенения вел дискуссии на профильных интернет-форумах. На которых – Орешкин знал это точно – появлялись не только такие же, как он сам, энтузиасты, но и люди с соответствующим образованием. С одним из них, использующим в Сети ник fOff, Димка виртуально подружился и на его помощь рассчитывал.

«Есть тема. Давай в приват¹».

«Давай».

Приятеля Орешкин отыскал лишь поздним вечером и теперь торопился поделиться информацией, боясь, что тот предложит перенести разговор на завтра.

«Что случилось?»

«У меня есть интересная штука. Хочу, чтобы ты ее посмотрел».

«Что за штука? Документ?»

«Антиквариат».

«Не занимаюсь».

«Мне нужна консультация историка».

¹ Зона, в которой пользователи Интернета могут вести конфиденциальный разговор (сленг.).

«Наследство привалило?»

«Вроде того».

«Пришли на мыло²».

Перстень Димка сфотографировал на камеру телефона. Перекачал файл в компьютер, приготовил письмо, и теперь ему оставалось лишь нажать на кнопку.

«Лови!»

«Поймал, – отозвался приятель через некоторое время. – Жди».

fOff не отзывался двадцать минут. Орешкин не отлипал от монитора, нервно курил, проклинал себя за глупую любознательность...

fOff был как всегда краток:

«Откуда дровишки?»

«Наследство».

«Уверен?»

«Скажи, что разузнал, тогда обсудим».

«Такие вещи надо щупать. Возможно – подделка».

«Ты скажи, подо что подделывают?»

«Надпись-то не на арабском, сечешь?»

«Не секу», – честно признался Орешкин.

«Если все так, как я думаю, то твоей „штучке“ на пару тысяч лет больше, чем ты мог бы себе представить».

– Ого! – Димка уважительно посмотрел на перстень. – Когда же тебя сделали?

«Еще какие-нибудь признаки есть?»

«Какие признаки?»

«Метка? Клеймо? Насечки необычные? Файлы у тебя паршивые получились, я чуть глаза не сломал, их просматривая».

Орешкин снова закурил. Говорить или не говорить? С одной стороны, глупо вот так с ходу выкладывать на стол все козыри. С другой – он сам попросил консультацию, так зачем же теперь скрывать факты?

«Есть знак под камнем или в камне – я не разобрался. Его видно, только когда свет падает на перстень под особым углом».

«Что за знак?»

«Шестиугольная звезда».

«Печать Соломона?!»

«Типа того».

«Обалдеть!»

«Что это значит?»

На этот раз fOff не удержался от эффектной паузы.

«Ты читал „Тысяча и одна ночь“?»

«Да».

«Тогда ты должен помнить, чем запечатывали сосуды с джиннами».

* * *

Излагать Казибековым ультиматум Батоева отправился Павел Розгин. В этом заключалась его задача: поговорить с одной стороной, затем со второй, если придется – вернуться к Мустафе и передать ответ Абдуллы. Уважаемые люди не хотели войны. Уважаемые люди

² Электронная почта (сленг.).

хотели помочь Казобекову и Батоеву поговорить между собой, и никто, кроме Розгина, не смог бы организовать челночные переговоры.

– Абдулла, ты понимаешь, что я говорю словами Мустафы? Ничего от себя.

– Павел, я знаю правила, – кивнул Казобеков. – Говори.

Адвокат тяжело вздохнул, всем своим видом показывая, как трудно ему доставлять дурную новость в дружественный дом, и начал:

– Он не хочет больше крови, не хочет войны. Семья должна покинуть Москву в течение трех дней. На ваши вложения за границей он не претендует. Ваш бизнес здесь он покупает. Вот перечень собственности, которую он желает приобрести, цены указаны.

Абдулла даже не взглянул на оказавшуюся на столе тоненькую папку, не сводил глаз с Розгина.

– Если условия будут приняты, Мустафа клянется, что не тронет никого больше. И готов отвечать за эти слова перед всем сообществом.

– А что они? – глухо осведомился Казобеков.

Адвокат помолчал.

– Никто не понимает, что происходит, из-за чего возникли трения. Мустафа говорит, что вы решили изменить условия, по которым передали ему свой старый бизнес, и затребовали большую долю. Уверяет, что защищался. В этом случае к нему нет претензий. Если ты докажешь, что это не так, – и тебе никто слова не скажет.

– Слова против слов.

– Вы оба серьезные люди, вам верят. Ты можешь убедить людей поддержать тебя.

– И Мустафа может.

Розгин потер пальцами переносицу:

– Люди не хотят войны. Никто не хочет.

– Мустафа начал стрелять! – бросил Абдулла.

– Это все помнят. Но надо понять – почему?

Казобеков скривился, резко поднялся, повернулся к адвокату спиной и спросил:

– Сколько у меня времени?

– Советую определиться до утра. А вообще люди хотят, чтобы завтра вечером что-нибудь решилось. Если потребуется, они готовы встречаться и говорить.

– Я понял. Спасибо, Павел. Уходи.

– Это грабеж, – тихо сказал Юсуф, бросая папку на стол. – За такие деньги бизнес не продают. Насмешка! Мы потеряем миллионы!

Абдулла тяжело посмотрел на младшего брата и повернулся к Ахмеду, третьему сыну Ибрагима.

– Что скажешь?

Тот мрачно потер подбородок:

– У Мустафы сила?

Абдулла кивнул.

– Неужели не достанем суку?

– Ляжем, – коротко ответил старший брат.

– Об отце говорим, Абдулла, – напомнил Ахмед. – Мстить надо, иначе Мустафа вернется.

Выждет полгода и вернется добивать. Если на кровь не пойдем – он не отстанет.

– У Мустафы Зарема, – буркнул Абдулла.

– Ай! – Ахмед выругался. – Зарема! Забыл!

– Но Мустафа не может ею управлять, – негромко произнес Юсуф.

Абдулла повернулся к брату:

– Почему ты так решил?

– Потому что иначе он бы уже положил всех нас, – просто ответил младший. – Потому что ему было бы плевать на мнение сообщества. Неужели не понятно?

– Перстень, – прошептал догадавшийся Абдулла. – Отец спрятал перстень!

* * *

fOff не лгал Орешкину – он действительно был историком. Причем – превосходным историком.

Семнадцать лет назад Валерий Леонидович Хомяков с отличием окончил Московский историко-архивный институт, поступил в аспирантуру, стал кандидатом, а через несколько лет и доктором. Хомяков специализировался на России Средних веков, однако коллеги и научные руководители отмечали глубокие, если не сказать – энциклопедические знания Валерия Леонидовича во многих других областях и неоднократно подчеркивали, что он не просто занимается историей, а вкладывает в работу душу, что он увлечен и влюблен в свою профессию. Хомяков прекрасно разбирался в истории Западной Европы и Ближнего Востока, неплохо ориентировался в прошлом Средней Азии и Китая. И очень сожалели коллеги, когда Валерий Леонидович принял решение уйти из науки. Хотя и понимали, что молодому и умному мужику трудно жить на нищенскую зарплату, которую выдавали в конце двадцатого века таким вот башковитым, но... несовременным людям.

Хомяков изменил науке, но не истории. Покинув институт, Валерий Леонидович открыл собственный салон и, благодаря энциклопедическим своим знаниям и нечеловеческому упорству, через каких-то три года стал самым известным в Москве антикваром.

Так что обманул fOff Орешкина, крепко обманул. Разбирался виртуальный приятель в старинных сокровищах, блестяще разбирался, профессионально, на уровне ведущих европейских экспертов.

Закончив разговор с Димкой, которого он знал под ником Сержант, Хомяков некоторое время молча сидел в кресле, а затем вновь вызвал на экран присланные фотографии. Перстень, вид сверху. Перстень, вид сбоку. Камень крупно. Надписи.

– Забавно, – вздохнул Валерий Леонидович, – весьма забавно.

Кто бы мог подумать, что невинная страстишка обернется таким вот образом?

Хомяков знал, что тщеславен, любил он слышать восхищенные и завистливые возгласы, обожал демонстрировать свое превосходство в уме и знаниях. Эта черточка характера и привела Валерия Леонидовича на исторический форум. Серьезные оппоненты в Интернете попадаются нечасто, обычно подростки да прочитавшие пару книжек дилетанты, и в их компании Хомяков развернулся вовсю. С ленивым высокомерием громил он недоучек практически в любом историческом вопросе и очень скоро стал признанным авторитетом среди завсегдатаев. Хомякова уважали. Хомяковым восхищались. Хомяков был счастлив.

Но обращение занудного Сержанта выбило Валерия Леонидовича из колеи, заставило насторожиться и задуматься. Глубоко задуматься. И не только потому, что ему понравился показанный виртуальным приятелем перстень. Все было гораздо сложнее: Хомяков знал, кому принадлежит сей раритет. Точнее – принадлежал. Валерий Леонидович помогал Ибрагиму собирать коллекцию и не один раз видел перстень на пальце покойного.

– Что ж, Сержант, жаль, конечно, но, кажется, ты влип.

Хомяков взял телефон и набрал номер резиденции Казибековых.

* * *

– Валерий? Конечно, помню.

Абдулла поморщился и переложил телефонную трубку в другую руку. Ему до чертиков надоели звонки с соболезнованиями. Правильнее всего было бы посылать всякую шушеру на... Ну, понятно куда. И еще пару лет назад молодой Казибеков именно так и поступил бы, однако новые игры, в которые заставил его играть отец, диктовали новые правила: приходилось быть вежливым. Не со всеми, разумеется, но приходилось. Антиквара Абдулла хотел отправить к секретарю, но вспомнил, что Ибрагим отзывался о Хомякове очень хорошо и лично представил его сыну. Человек известный, человек полезный – можно уделить ему пару минут.

– Абдулла, я огорчен и расстроен. Ты знаешь – я очень уважал твоего отца. Прими мои соболезнования.

– Спасибо, Валерий. Спасибо, что не забыл меня в этот час. Я тронут.

Короткая пауза. Как человеку воспитанному, Хомякову следовало попрощаться – тон хозяина предполагал короткий разговор, но антиквар медлил.

– Абдулла, извини, что спрашиваю... возможно, мой вопрос покажется тебе неуместным, но...

«Шакал боится за свой бизнес! – угрюмо подумал Казибеков. – Кажется, отец заказывал у него картину?»

– Валерий, все договоренности, какие были у тебя с моим отцом, остаются в силе. Но давай вернемся к этому вопросу через несколько дней, хорошо?

– Абдулла, извини, ты меня неправильно понял, – торопливо, боясь, что Казибеков бросит трубку, проговорил Хомяков. – Я хотел спросить, не пропало ли что-нибудь у твоего отца?

Абдулла вздрогнул. Секунды через три он закрыл рот, сглотнул и осторожно поинтересовался:

– Что именно?

– Понимаешь, мне показали перстень с крупным красным камнем, очень похожий на тот, что...

– Он у тебя?!!

Казибеков заорал столь громко, что Хомякову даже пришлось оторвать трубку от уха.

– Вези его мне! Нет! Я сам приеду!!

– Абдулла, я же сказал: мне его показали. Прислали фотографию через Интернет.

– Кто прислал?

– Не знаю. Точнее, так: я знаю его только под сетевым псевдонимом.

– Где он сейчас?

– Мы договорились встретиться завтра.

– Поздно! Я хочу найти его как можно быстрее. – Казибеков задумался. – Валера, оставайся дома. Через полчаса к тебе приедут мои люди, расскажешь им что и как. Попробуем найти твоего друга.

Хомяков удивленно поднял брови: ничего себе спешка.

«Что же это за перстень?»

И в голове вдруг всплыла шутливая фраза, которую он написал Сержанту: «Ты должен помнить, чем запечатывали сосуды с джиннами...»

Но вслух произнес другое:

– Э-э... Абдулла, мне неудобно говорить, но...

– Если с твоей помощью я верну кольцо, гонорар составит полмиллиона, – веско бросил Казибеков. – Нормально?

– Абдулла, поверь, я приложу все усилия...

– Вот и хорошо.

* * *

Розгин позвонил Батоеву сразу же после встречи с Казобековыми, сказал, что ультиматум передан и Абдулла берет время на размышление. Ответ будет завтра. Мустафа выразил надежду, что Казобеков поведет себя здраво и не встанет перед паровозом. После короткой паузы адвокат осторожно заметил, что наблюдать за столкновением вышеупомянутого паровоза и упрямого Абдуллы никому не интересно. На том и порешили. Батоев продемонстрировал глубокую уверенность в собственных силах и не сомневался, что Розгин обязательно поведает об этом сообществу.

Однако, положив трубку, Мустафа позволил себе весьма длинное ругательство, и тон, которым Батоев посылал проклятия, не был тоном победителя.

Абдулла взял время до утра.

Казобековы заперлись в своем дворце.

На первый взгляд в этом не было ничего необычного – в подобных обстоятельствах любая семья повела бы себя именно так. Но время идет, а сыновья старого Ибрагима до сих пор не отправили своих жен и детей подальше от Москвы. Почему? Они-то, в отличие от Розгина и сообщества, прекрасно понимают истинный смысл ультиматума и знают, что шансов выстоять у них нет. Если Мустафа придет в их дом, лягут все, кто в нем окажется. От Заремы не уберечься.

А Казобековы не прячут семьи.

Чего ждут?

Ответ Батоев знал, и ответ этот ему не нравился: Казобековы ждут перстень.

Перстень!

Абдулла знает, что Мустафа не сумел добраться до кольца, и тянет время. Заполучит сокровище обратно – станет говорить совсем по-другому. И чья возьмет в противостоянии, непонятно: хоть Казобековы и отошли от сообщества, силенки у них остались, есть чем на ультиматум ответить.

На какое-то мгновение Батоеву стало страшно. Безумно страшно. Он даже подумал, что напрасно начал войну, почувствовал, как задрожали пальцы, и жадно потянулся за сигаретой...

«Зачем я так подставился?!»

А потом пришел стыд. Перед самим собой. За проявленное малодушие. И следующую порцию ругательств Мустафа направил в свой адрес:

– Перетрусил, шакал?! Кишка у тебя тонка против ибрагимовских ублюдков, да? Тебе, сука, хурмой на базаре торговать надо, а не серьезные дела решать, понял?!

Он закрыл глаза, затаился, глубоко вдыхая табачный дым, чуть расслабился.

«Я поступил правильно! Я ударил вовремя и наверняка. Да, я не взял перстень, но и у Абдуллы его нет. Мы на равных».

Все было именно так. Все, до последнего слова. Шесть лет назад, с того самого мгновения, как Мустафа узнал тайну Заремы, он думал о том, как завладеть девушкой. Некоторое время эта мысль оставалась несбыточной мечтой. Затем, по мере того, как Ибрагим уводил семью от сообщества и передавал теневой бизнес племяннику, идиотский на первый взгляд замысел обретал реальные очертания. У Батоева появились сила и власть, он завел осведомителей среди ближайшего окружения Ибрагима и целых два года терпеливо дожидался подходящего случая. И сумел нанести удар...

– Проклятый старик!!

Мустафа скомкал сигарету в пепельнице, поднялся с дивана и посмотрел на часы: половина третьего ночи.

«Пойти спать?»

Он задумчиво погладил подбородок и улыбнулся.

К чему идти в кровать, если все равно не заснешь? Слишком высоко напряжение, слишком много неприятных мыслей лезет в голову. Не следует мучить самого себя, когда можно заняться гораздо более приятным делом.

Зарема не спала. То ли догадывалась, что Батоев вновь заявится в ее комнату, то ли не могла уснуть.

В эту ночь в Москве не спали много людей.

Девушка сидела в кресле, подобрав под себя ноги, и не пошевелилась даже после того, как Мустафа остановился перед ней.

– Я подумал, что тебе скучно, – произнес Батоев после короткой паузы и принялся расстегивать рубашку. – Да и мне чего-то не спится.

– У тебя неприятности с Абдуллой?

Но на этот раз Мустафа был готов к проявлению дерзости и лишь усмехнулся:

– Не бери в голову, красавица, я все улажу.

Зарема чуть пошевелилась, тонкая ткань ночной сорочки пришла в движение, и Батоев увидел упругую выпуклость груди. Его ноздри раздулись, руки слегка задрожали, и последняя пуговица рубашки не расстегнулась – оторвалась.

«Девка сводит меня с ума!»

Что значит – делает слабым, уязвимым.

Но и не желать Зарему Мустафа не мог. Он мечтал о мгновении близости, жаждал прикоснуться к бархатистой коже, зарыться лицом в длинные черные волосы, вдохнуть ее аромат, почувствовать жадную мягкость губ.

Оставался лишь один выход.

Батоев перестал расстегивать брючный ремень и резко, очень жестко ударил девушку кулаком в голову. Зарема промолчала. Удар бросил ее на спинку кресла, но девушка не издала ни звука. Медленно вернулась в прежнюю позу и замерла. Вот только бретелька сорочки соскользнула с плеча, обнажив правую грудь. Поправлять одежду Зарема не стала. Мустафа издал глухое рычание и следующим ударом бросил девушку на пол.

Что последует дальше, девушка знала – не в первый раз знакомилась с людьми, подобными Батоеву. Они боятся проявить слабость, а потому... Или ее будут долго и жестоко бить, или долго и жестоко насиловать. Ни то, ни другое девушку не устраивало.

– Остановись! – Зарема ловко откатилась в сторону и вскочила на ноги, одновременно успев вернуть на место бретельку. – Стой!

– Что? – Мустафа замер.

Ненадолго. Через несколько мгновений удивление пройдет, и его ярость удесятерится. Нужно спешить!

– Я могу тебе помочь!

– В чем?

– Перстень!

Батоев недоверчиво посмотрел на девушку:

– Говори.

– Я помогу найти его.

– Каким образом?

Зарема грустно улыбнулась:

– Он мне не чужой. Мы чувствуем друг друга.

Пару секунд Мустафа обдумывал слова девушки. Затем в его глазах вспыхнули недобрые огоньки, и Батоев зло процедил:

– Ты могла мне помочь с самого начала!

– Я тебя совсем не знала. И не была уверена, что с тобой мне будет лучше, чем с Абдуллой.

– А теперь уверена?

В его голосе прозвучало мужское самодовольство, но следующие слова Заремы заставили Батоева поморщиться.

– Мы заключим сделку, Мустафа. Ты поклянешься именем Аллаха.

Батоев задумчиво оглядел Зарему, поднял с пола рубашку, накинул ее, уселся в кресло и взялся за сигареты.

– Твои условия?

– Ты не будешь меня бить или приказывать кому-нибудь меня бить.

– Боишься боли?

– Мне неприятен процесс.

– Понимаю. Что еще?

– Ты не будешь со мной спать, если я не захочу этого сама, и не будешь приказывать кому-нибудь со мной спать.

Мустафа молчал две очень глубокие затяжки. Услышав условие Заремы, он едва не задал ей ехидный вопрос, но сумел сдержаться. Опасаясь получить ответ, аналогичный предыдущему.

– То есть я потеряю возможность наказывать тебя.

– Когда ты станешь хозяином перстня, я буду слушаться тебя беспрекословно, – тихо ответила девушка. – А срывать на мне зло не надо.

– Ибрагим тебя избаловал, – буркнул Батоев.

– Не думаю, – улыбнулась Зарема. – Просто случай уж очень удобный.

– Я могу найти перстень сам.

– Не спорю. Но знаешь, что я с тобой сделаю, если перстень окажется у Абдуллы? – Девушка встала перед Мустафой на колени, положила руки ему на бедра, заглянула в глаза. Ночная сорочка вновь не скрывала ее прелестей, но Батоев не испытывал возбуждения. – Сначала я расскажу сыну Ибрагима обо всех пытках, которые знаю, и мы вместе выберем из них самую подходящую. Потом...

– Пока ты в моей власти, – мягко напомнил Мустафа.

– Я готова служить тебе, – невинно отозвалась девушка. – Разве не так?

Батоев угрюмо посмотрел на девушку. Будучи человеком умным, он уже просчитал последствия ее предложения. Никакой близости без ее согласия. А ведь тянет. Тянет, черт побери! Избивая Зарему, Мустафа мечтал о ней. Наносил удары – желал целовать. Красавица свела его с ума в момент их первой встречи. Ее улыбка, ее глаза, ее фигура... Несколько лет Батоев искал подружку, хотя бы частично похожую на Зарему, и в каждой находил изъян. Хрупкая Зарема была совершенна. И отказаться от нее теперь, узнав ее сладость? Мустафа знал, что не сможет не думать о девушке. Знал, что, согласившись на условия, станет рабом Заремы, будет униженно умолять ее о близости, будет валяться у нее в ногах, исполнять любые прихоти ради нескольких часов наслаждения.

Слабость.

Слабость, за которую ему всегда будет стыдно.

Но есть и другая сторона медали.

Власть.

Если он не сумеет заполучить перстень, то лишится всего. Потеряет положение и богатство. Зарема с удовольствием дерет с него кожу.

И будет служить Абдулле.

И будет спать с Абдуллой.

Что лучше? Какое решение правильное?

Мустафа колебался недолго. Чувства можно убить. Жизнь дается один раз. Проклятая девка нашла верный ход, сумела воспользоваться ситуацией к своей выгоде, и впереди Батоева ожидает масса неприятных мгновений. Зато у него будет это самое «впереди».

– Я согласен с твоими условиями, – медленно произнес Мустафа. – Но чем я буду клясться?

– Если ты нарушишь хоть один пункт договора, я получаю свободу, – просто ответила Зарема.

Мог бы и не спрашивать.

Батоев раздавил окурок о стеклянную столешницу элегантного столика и принял окончательное решение.

– Согласен.

* * *

Готовить завтраки Орешкин не любил и не умел. Когда работаешь, это вроде и не нужно: наскоро оделся, выскочил из дома, одна сигарета до метро, одна сигарета от метро до офиса, и кружка кофе с каким-нибудь печеньем по приходе на работу. К чему тратить время на еду, если можно поспать лишних двадцать минут? За то время, что Димка сидел без работы, привычка сохранилась, но, разумеется, с небольшими изменениями.

Проснувшись и почистив зубы, Орешкин отправился на кухню, где включил чайник и закурил первую сигарету. Кофе в банке оставалось совсем чуть-чуть, но это не смущало – Димка знал, что в самое ближайшее время деньги у него появятся.

«Миллион!»

Или даже больше, если fOff сумеет разузнать чего-нибудь интересное. Ведь не зря же виртуальный приятель выпрашивал о скрытой в камне печати.

Димка налил в кружку кипятка, помешал кофе ложкой, но пить не стал. Вместо этого достал перстень и покрутил его перед окном, стараясь разглядеть печать. Получилось.

– А вдруг в кольце запечатан джинн?

Несколько секунд Орешкин пытался оценить свою реакцию на произнесенную фразу, прислушивался к ощущениям и вдруг понял – верит. Не на сто процентов, конечно, но верит. Уж больно загадочным казался перстень. Слишком тонкую работу надо было проделать древним мастерам, чтобы спрятать печать под камень.

– Чушь! – Голос сорвался, и Димке пришлось откашляться. – Ерунда!

«Тебе предложили миллион!»

– Ну и что?

«Какая побрякушка может стоять такие деньги?»

– Мало ли какая? Газеты надо читать! Богачи друг другу обручальные кольца по десять миллионов заказывают! – И торопливо, пока внутренний голос не успел опровергнуть и это утверждение, добавил: – Если в перстне джинн, почему старик не попросил его о помощи?

Прозвучало весьма логично.

– Вот так-то!

Орешкин был горд собой: едва ли не впервые в жизни каждое его действие казалось логичным и обдуманым.

Сейчас предстоит встреча с fOff, на которой, вполне возможно, прояснится ситуация с перстнем: что он собой представляет и откуда взялся. Эта информация позволит понять, какую именно сумму надо требовать с сына убитого старика – миллион или побольше? Или вообще искать других покупателей. Зачем связываться с бандитами, если вокруг полным-полно законопослушных коллекционеров?

Происходящее казалось Димке сбывшимся сном: он в центре многоходовой интриги! От того, насколько правильное решение он примет, зависят судьбы людей. Он холоден и рассудителен. Он...

И вдруг видение: окровавленный старик.

И предательская дрожь в коленках.

Орешкин поперхнулся кофе и несколько мгновений кусал губы, с силой сжимая ручку кружки.

– Это другая жизнь... – прошептал он себе. – Жизнь богатых и сильных. Привыкай, скоро у тебя будут деньги.

Он не стал вытирать стол. Поставил кружку в лужицу кофе, торопливо оделся, положил бесценный перстень в карман куртки и вышел из квартиры.

* * *

Первый звонок от Абдуллы раздался примерно через час после того, как присланные в квартиру Хомякова специалисты принялись за работу. Затем еще через час. Через пятьдесят минут. Через сорок. Под утро Казобеков принялся тормозить подчиненных каждые полчаса.

«Нашли?»

«Нет».

Короткие гудки.

«Нашли?»

Разговаривал с Абдуллой Исмаил, главный из тех, кто приехал к Валерию Леонидовичу. Отвечал он спокойно, по-военному кратко, но было видно, что его самого бесит отсутствие результатов. Исмаил не боялся гнева шефа, раздражение вызывала невозможность выполнить приказ. Но вида он старался не показывать. Убирал трубку в карман и возвращался к столу – наблюдать за тем, как компьютерные гении пытаются отыскать иголку в стоге сена. Точнее – человека, спрятавшегося в огромной информационной паутине. Надо отдать должное: Исмаил понимал, насколько непростую задачу поставил перед ними Абдулла. Ребятам он не угрожал, не подгонял, слюной не брызгал – просто наблюдал. Иногда курил. Выпил одну чашку чаю. Говорил только с Казобековым.

Ждал.

Хомяков Исмаила побаивался. Понимал, что по его квартире разгуливает тренированный убийца в очень плохом настроении, и дергался. Валерий Леонидович старался вести себя тихо-тихо и на глаза гостям лишний раз не попадаться. Он бы с удовольствием убрался в другую комнату, но компьютерным гениям периодически требовались его комментарии, так что приходилось быть рядом. Конечно, мысль о полумиллионе долларов грела душу, но изредка Хомякова охватывала паника.

«А если проклятый Сержант смоемся? Если его не найдут?»

И тогда Валерий Леонидович потел. Вздрагивал от малейшего звука, даже от скрипа стула, и потел. Сильно потел. И с каждым часом его беспокойство нарастало. Стучали зубы. Дрожали ноги.

А когда один из компьютерщиков вдруг обернулся к Исмаилу и отрицательно покачал головой, Хомяков едва не потерял сознание.

– Напрасно.

– Ты плохой специалист? – едва слышно осведомился Исмаил.

– Вы думаете, мы плохо старались?

Помощник Казобекова промолчал. Компьютерщик почесал в затылке.

– Этот Сержант – профессионал. Даю слово: он программист, причем неплохого уровня. Не знаю, сознательно ли он прятался или по привычке, но отыскать его мы пока не можем.

– Сколько это: «пока»?

– Еще бы часов восемь-десять. Возможно, мы бы придумали, как его найти, а так... – Компьютерщик пожал плечами. – Мы не волшебники.

С дивана, на котором разместился Хомяков, послышался всхлип.

Исмаил бесстрастно посмотрел на Валерия Леонидовича, затем на часы, на компьютерщиков и принял решение:

– Продолжаете работать. Ищите хоть всю неделю. – Повернулся к Хомякову: – А мы поедем на встречу.

Валерий Леонидович кивнул, но выражение его лица показало Исмаилу, что доносчика следует подбодрить. Он подошел к Хомякову и по-прежнему бесстрастно произнес:

– Абдулла сказал, что вы нам помогаете. А тех, кто нам помогает, мы не трогаем. Ничего не бойтесь. Даже если Сержант не явится на встречу, обвинять вас ни в чем не будут.

Слова дошли до Валерия Леонидовича не сразу. Но все-таки дошли. Осознав, что напрасно нервничал, Хомяков улыбнулся и подумал, что принял правильное решение.

* * *

– Здесь он умер.

– Да, здесь, – подтвердил Мустафа. – В грязи. Как собака.

– Я не спрашивала, – тихо сказала Зарема.

Она оглядела маленькую площадку перед подвальной дверью. Провела носком туфельки по бетонной ступеньке. Присела на корточки, прикоснулась к пятнам засохшей крови на стене – следы пальцев Ибрагима. Затем положила ладонь на бетон, прикрыла глаза, вслушиваясь во что-то неуловимое, недоступное восприятию людей.

– Здесь был мужчина.

– Та-ак, – напряженно протянул Батоев. – Дальше!

– Молодой мужчина... Страх... неуверенность. Удивление... Он стоял тут!

Зарема поднялась по лестнице, остановилась, развернулась лицом к двери.

– Мужчина лет тридцати – тридцати пяти, – буркнул Мустафа.

– Он не милиционер, – продолжила девушка. – Не воин. Случайный человек. Слабый.

– Трус!

– В нем есть все. Но очень мало уверенности в себе.

«За что такое счастье тупому неудачнику?» Батоев вздохнул.

Тем временем Зарема медленно сошла по лестнице, причем ее движения были странными: не обычными – изящными, а слегка заторможенными, чужими, и замерла на площадке.

«Повторяет его путь», – догадался Мустафа.

Девушка вновь присела на корточки, провела рукой по бетону, поднесла испачканную ладонь к лицу, понюхала, лизнула грязь.

– Не правоверный.

«Новость замечательная, но, к сожалению, абсолютно бесполезная».

– Ты сможешь его найти?

Зарема открыла глаза. Пару мгновений брезгливо рассматривала испачканную руку, после чего поднялась на ноги и, вытащив из сумочки платок, тщательно вытерла ладонь.

– Ты сможешь его найти? – повторил Батоев.

– Мы ведь договаривались, – огрызнулась девушка.

Мустафа не сумел сдержать облегченный вздох:

– Ты знаешь, где он?

– Нет.

– Черт! – Разочарование было слишком велико. Батоев с трудом подавил накатившую ярость. – Хватит меня дразнить!

– Я не собиралась.

Зарема подошла к нему, оглядела окрестные дома. Маленькая и восхитительная. Черные волосы собраны в пучок. Брови стрелами, ресницы пушистые, кожа матовая, и при этом – ни грамма косметики! меховая курточка до талии – соболя. Черные брюки, черные туфли. Скажи Мустафе еще несколько лет назад, что он будет сходить с ума от женщины, – рассмеялся бы в лицо. Или воспринял бы как оскорбление.

А ведь сходит.

И до сих пор не уверен, что правильно поступил, заключив договор.

– Ты сможешь найти ублюдка?

– След очень слабый, – ответила Зарема, выдержав короткую паузу. – Я не могу указать, где в настоящее время находится человек с перстнем.

– В таком случае, чем ты поможешь?

Девушка вновь помолчала.

– Я знаю, где следует искать в ближайшее время. Мы поедем в это место, и я его найду.

– Я сам поеду, – прищурился Мустафа. – Ты вернешься в дом.

– Все может измениться в любой момент, – улыбнулась Зарема. – Я ведь предсказываю, а не слежу. Хочешь рискнуть?

Батоев пару мгновений буравил девушку взглядом, затем проворчал невнятное ругательство и кивнул в сторону своего «Хаммера»:

– Поехали.

* * *

Очередной приступ паники случился у Орешкина в метро. Они договорились встретиться с fOff на Пушкинской площади, и на последнем перед «Тверской» перегоне Димка, стоящий в середине вагона, вдруг покрылся потом.

«Что я делаю? Зачем?!»

Страх поглотил душу. Подозрительным стало все.

«Я ничего не знаю об этом fOff! Кто он? Почему так легко согласился на встречу?»

Лежащий в кармане перстень мертвеца вдруг потяжелел, потянул вниз, сгорбил плечи. Накатила дурнота.

«Если кольцо действительно дорогое, то...»

Воображение услужливо выдало подходящую картинку: бандиты и милиционеры, мускулистые качки и страшные байкеры в черных косухах. И у каждого в руке оружие. И каждый желает отнять его сокровище. И непонятно, что хуже: быть избитым уголовниками или услышать: «Вы обвиняетесь в убийстве Ибрагима Казибеева».

– Господи, зачем я в это ввязался?

Стоящий рядом с Орешкиным мужик удивленно посмотрел на пролепетавшего последние слова парня.

– Вам плохо?

– Нет!

Димка отступил к дверям.

– Станция «Тверская», переход на...

Стеклянные створки распахнулись, народ высыпал на перрон. И Орешкин тоже. Даже не высыпался – выполз. Прислонился плечом к стене, сжал кулаки.

«Не надо никуда идти! Просто позвони Казибееву! Миллион – это огромные деньги, неприлично огромные. Зачем тебе больше?»

– Да, я сглупил!

Орешкин вытер пот со лба, криво улыбнулся:

– Уезжаю...

И неожиданно увидел себя со стороны. Дрожащий тридцатичетырехлетний мужик в яркой молодежной куртке. Одинок. Безработный. Без прошлого и будущего.

Никто.

И понял, что если уйдет сейчас, то не сможет пойти на встречу с людьми Казибекова. Не сможет. Духу не хватит. Будет ходить вокруг телефона до конца дней своих, но так и не наберет заветный номер. Не произнесет уверенным тоном заготовленную фразу.

Испугается.

Потому что нельзя быть храбрым по обстоятельствам, потому что или в тебе есть стержень, или нет. А длинные разговоры – для пустобрехов.

И Димка разозлился. На себя. Возможно – впервые в жизни. Он смачно плюнул на мраморный пол и быстрой походкой направился к эскалатору.

– Мустафа, у меня прекрасные новости! – В голосе Хасана звучала неподдельная радость.

Батоев вернул бокал с вином в бар и переложил телефон в правую руку:

– Говори, Хасан, я соскучился по прекрасным новостям.

Зарема, сидящая у противоположного окна, – что в «Хаммере» Мустафы означало почти то же самое, что на другом конце города, – поджала губы и демонстративно отвернулась.

– Я нашел урода!

– Есть!

Батоев покосился на девушку:

– Кажется, наше маленькое соглашение придется расторгнуть. Мы справились сами.

Молчание.

– Орешкин Дмитрий Олегович. Менеджер по кадрам одной фирмы, там, неподалеку, опознал пацана по фотороботу. Приходил вчера утром устраиваться на работу.

– Адрес есть?

– А как же!

– Давай туда. Землю носом рой, но чтобы Орешкин...

– Понял!

Мустафа бросил трубку на сиденье, хихикнул, а потом потянулся и положил ладонь на коленку Заремы.

– Я не стану сердиться на тебя за эту выходку. Ты пыталась соблюсти свой интерес? Хорошо. Но еще лучше то, что у тебя ничего не получилось. Теперь мы вернемся к нашим прежним взаимоотношениям.

Пару мгновений Зарема изучала руку мужчины на своей коленке, затем перевела взгляд на Батоева и холодно осведомилась:

– Твои люди поехали к Орешкину?

– Конечно.

– И что ты надеешься там найти?

Мустафа насторожился:

– Не понял.

Девушка улыбнулась:

– Ты ведь умный, Батоев, кто-то даже говорил, что ты умнее Ибрагима. Почему же ты не понимаешь столь простых вещей?

– Каких вещей?

– Какова вероятность того, что Орешкин, увидев окровавленного старика, бросился к нему с целью пожить? Какова вероятность, что он сорвал перстень с целью продажи? Я уверена, что Ибрагим сам подозвал этого русского и сам отдал ему сокровище.

– Что это меняет? – хрипло спросил Мустафа.

Зарема вздохнула:

– Для чего Ибрагим отдал перстень?

– Для чего?

– Чтобы русский передал его Абдулле. Я готова спорить с тобой на ночь любви, что сейчас Орешкина нет дома, а когда он вернется, в его карманах окажется много-много зеленых бумажек. Но ни одного ювелирного изделия.

Батоев сглотнул и быстро убрал руку с колена девушки. Откинулся на спинку дивана. Помолчал.

– Мы катаемся по городу уже два часа...

– Наша договоренность в силе?

Снова пауза.

– Да.

– В таком случае вели остановить машину.

«Хаммер» прижался к тротуару у поворота с Тверской на Бульварное кольцо.

– Орешкин где-то здесь, – просто сказала Зарема. – Я чувствую.

Мустафа оглядел наполненную людьми площадь.

– Просто чувствуешь?

– Я должна подойти ближе, – тихо произнесла девушка. – Я могу ошибаться.

«Ваша задача, Валерий Леонидович, проста – встретиться с Сержантом. Ничего больше. Убедитесь, что перед вами тот самый человек, и поздоровайтесь с ним за руку. Все».

«Что вы будете делать?»

Хомякову очень не хотелось влипать в перестрелку.

«Не стоит пугаться, – мягко ответил Исмаил. – Абдулла приказал решить проблему по возможности тихо и мирно. Я подойду и поговорю с Сержантом. Я предложу ему деньги. – Улыбнулся, заметив, как насторожился Хомяков, и добавил: – За свой гонорар не волнуйтесь, вы получите ту сумму, которую назвал Абдулла. Сержанту я предложу другие деньги».

«А стоит ли? – осмелел Валерий Леонидович. – За что ему?»

«Так сказал Абдулла, – пожал плечами Исмаил. – Ему виднее».

Уверенный тон собеседника окончательно успокоил Хомякова, а рюмка коньяка, опрокинутая перед выходом из дома, добавила сил и задора. Поэтому сейчас, стоя на промозглой площади, Валерий Леонидович пребывал в прекрасном настроении.

«Пятьсот тысяч за то, что потоптался на морозе! Самая выгодная сделка в жизни!»

Люди вокруг казались глупыми и недалекими обывателями. Членами серого стада, неспособными поймать удачу за хвост.

«Учитесь...»

– Вы и есть fOff?

Хомяков вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял длинноволосый мужик лет тридцати пяти, одетый в не по возрасту яркую куртку и вязаную шапку. На плече легкомысленный рюкзак. В глазах – настороженность.

– Вы fOff?

– Сержант?

– Да.

Валерий Леонидович шмыгнул носом и протянул руку:

– Рад познакомиться.

– Взаимно.
– Скажу откровенно: вы едва ли не единственный человек на форуме, с которым интересно спорить.
– Спасибо, – смущенно улыбнулся Орешкин.
– Как вас зовут на самом деле?
– Дима.
– Так вот, Дима, вы только не пугайтесь. С вами хочет поговорить один мой знакомый. Рот Сержанта перекосялся, он попытался сделать шаг назад, но поздно. Слишком поздно. Незаметно подошедший Исмаил крепко стиснул его плечо.

– Он здесь! Он на площади!
– Шеф, здесь люди Казибекова, – шепнул телохранитель.
– Где?! – развернулся Батоев.
– Вот твой Орешкин, – улыбнулась Зарема. – И перстень с ним. Я чувствую!
Шагах в тридцати от них, у неработающего фонтана, стояли трое мужчин. Упитанный лысеющий господин. Длинноволосый недотепа в яркой куртке. И черноволосый крепыш в черном пальто.

– Исмаил!
– А ты была права, Зарема, – прошептал Мустафа.
– Я всегда права, – улыбнулась девушка.
И резко ударила Батоева коленом в промежность.
– Ох!
Мустафа согнулся от боли и выпустил руку Заремы. Девушка сразу же отскочила в сторону.

– Стой!
– Батоев! – пронзительно закричала Зарема. – Мустафа Батоев!
Исмаил среагировал мгновенно: развернулся на крик, в руке появился – или показалось? – пистолет. Упитанный присел на корточки.

Телохранители заслонили Мустафу.
– Взять ее! Взять! Русского взять! Перстень взять! – хрипел из-за их спин Батоев.
Но телохранители видели то, чего не заметил шеф. С лавочек поблизости поднимались черноволосые мужчины. Солдаты Казибекова. Четверо. У одного кисть руки тонет в сложенной пополам газете. У второго – в сумке. Двое последних прячут руки под пальто. Правда, от Тверской подтянулись люди Мустафы. Еще трое.

Но не стрелять же, черт возьми, в самом центре города?!
И в какой-то момент все замерли.
И прохожие наконец-то увидели, что происходит нечто странное. Стали расступаться, боязливо отодвигаясь к деревьям.
И насторожились милиционеры, до сих пор мирно болтавшие на перекрестке.
И никто не знал, что делать.
Никто, кроме Заремы.

Хватка у Исмаила оказалась железной. Даже когда раздался женский вопль – Орешкин не расслышал слов, показалось, прозвучало какое-то имя – и Исмаил обернулся, он все равно не выпустил Димкино плечо. Даже чуть сильнее сдавил, то ли показывая, что бежать бессмысленно, то ли машинально, увидев стоящих метрах в тридцати людей – толстого коротышку и окружавших его телохранителей. Судя по всему, их появление не обрадовало Исмаила, и Орешкин затосковал. Вонючка fOff на полусогнутых ногах направился к деревьям. На него никто не обращал внимания. Кому интересен предатель? Он свою роль сыграл. А Димка оста-

вался вместе с Исмаилом в центре площади. И ждал, что вот-вот начнут стрелять. И проклинал вечеринку, на которой поругался с генеральным, ибо, не будь ее, сидел бы сейчас в теплом офисе да флиртовал бы с Ниной...

– Перстень давай, – прошипел Исмаил.

– Дома оставил.

Орешкин никогда бы не подумал, что его руку можно сжать еще сильнее. Оказалось – можно. Исмаил оказался настоящим терминатором.

– Перстень давай, гаденыш. Иначе положу.

– Вытащи меня отсюда, – с трудом преодолевая боль, ответил Димка. И заметил, что от перекрестка к площади направляются встревоженные милиционеры. Стало легче. – Выбираться будем вместе.

Откуда только взялась наглость? Откуда? Потом Орешкин понял – из метро. Он стал меняться, когда переломил себя и отправился на подозрительную встречу. Когда принял первое в своей жизни правильное решение, когда почувствовал себя смелым.

К сожалению, от терминатора не ускользнули перемещения стражей порядка.

– Перстень, сука! – В бок Орешкина уперлось что-то твердое. – Пристрелю.

И решимость стала таять.

Ноги у Димки подогнулись. Рука машинально опустилась в карман... И в этот момент на них налетело что-то маленькое, пушистое и очень-очень активное.

И очень шумное.

Подкрававшаяся Зарема ударила Исмаила в спину. Не сбила с ног, конечно, куда там! Но оттолкнула, заставила отпустить Орешкина.

– Дима, бежим!

– Ты кто?! – Орешкин соображал с большим трудом. – Куда?!

Исмаил развернулся, рывкнул что-то...

И на площади прозвучал первый выстрел – Мустафа, отобравший оружие у одного из телохранителей, пальнул во врага.

И сразу же включились люди: крики, вопли, беготня. Заорали что-то милиционеры. Кто-то из солдат Казибекова ответил на выстрел. Побелевший Исмаил попытался вцепиться в Орешкина, но Зарема потянула Димку за собой, и терминатор не успел. А потом, совершенно неожиданно для продолжавшего смотреть на него Орешкина, упал на колени. Неестественно медленно повалился на асфальт лицом вперед.

И только после этого Димка услышал еще два выстрела.

Водитель Батоева развернул «Хаммер» прямо через Тверскую, остановился у тротуара, и телохранители втащили обезумевшего хозяина в безопасное бронированное чрево.

– Девку, ублюдки! Девку и пацана ищите! Не отдавайте Казибекову!! Два миллиона даю! Два миллиона!!

Несколько человек бросились на площадь.

А возле «Хаммера» резко затормозил милицейский «Форд».

– Быстрее! Быстрее!! – Зарема, продолжая держать Димку за руку, буквально перетаскала ошарашенного парня через дорогу и завела в какую-то арку. – Сюда! Скорее!!

– Куда мы?

– Подальше от них!

– А кто они?

– Ты еще не понял?

– Нет.

– И не надо! Перстень у тебя?

Орешкин сунул руку в карман куртки, облегченно вздохнул, почувствовав пальцами холодный камень.

– Да. – И тут же напрягся. – Не отдам!

– И не надо! – Зарема огляделась в поисках выхода. – Туда! – Ткнулась в одну из дверей. – Закрыто! – Замерла. Прислушалась. – Они близко.

– Кто?

Девушка обернулась, и спокойный взгляд ее больших черных глаз привел Орешкина в чувство. Он вдруг понял, что если хрупкая красавица способна сохранять хладнокровие в подобных ситуациях, то ему, взрослому мужику, стыдно впасть в истерику.

– Дима, ты хочешь жить?

– Да.

– Тогда, пожалуйста, надень перстень на безымянный палец правой руки.

Из арки слышались шаги, затем гортанные голоса. Громкие. Грубые. Несколько мужчин выясняли отношения на незнакомом языке.

– Люди Батоева и люди Казобекова. Сейчас кто-то из них придет сюда.

Орешкин вздрогнул и поспешил выполнить приказ девушки – надел кольцо.

– А теперь повторяй за мной: во имя Аллаха, милостивого и всемогущего...

– Ты смеешься?

Из арки слышались звуки ударов, короткий вскрик, а потом голос:

– Они здесь!

В глазах девчонки мелькнул страх.

– Во имя Аллаха, милостивого и всемогущего, – тут же произнес Орешкин.

– ...я заклинаю тебя...

– ...я заклинаю тебя...

– ...именем Сулеймана, ибн Дауда...

– ...именем Сулеймана, ибн Дауда...

– Вот они!

Из арки выскочили двое.

– Зарема! Орешкин! Стоять!

– Да будет так, – прошептала девушка.

На них направили пистолеты. Но Димка, к огромному своему удивлению, страха не испытывал. Совсем не испытывал. Он задумчиво посмотрел на засверкавший камень и негромко спросил:

– Мы успели?

– Да, – с улыбкой подтвердила Зарема, – мы успели.

– И что теперь?

– Просто скажи: спаси меня.

Орешкин помолчал, перевел взгляд на приближающихся бандитов и попросил:

– Спаси меня.

И впервые в жизни увидел, как человек совершает десятиметровый прыжок с места. Нет, не человек – джинн.

Как буднично: «Я только что стал повелителем джинна».

Димка тряхнул головой и снова уставился на сверкающий рубин. Он не хотел видеть, как Зарема его спасает.

* * *

Проблем с милицией избежать не удалось. Уехать Батоев не успел – дорогу «Хаммеру» перегородил бело-синий «Форд», а потому пришлось давать объяснения: что да как, откуда взялись три трупа и кто открыл пальбу в людном месте. Возможно, при других обстоятельствах Мустафу отпустили бы сразу, но на этот раз происшествие получилось слишком шумным – центр города как-никак. На Пушку прибыл начальник московского ГУВД со свитой и кто-то из мэрии. Вертелись журналисты. Группа фээсбэшников тщательно искала следы террористов. Толпа зевак росла с каждой минутой.

К Батоеву, который отказался покидать «Хаммер», постоянно приходили какие-то люди, и в погонах, и в штатском, демонстрировали удостоверения и просили ответить на вопросы. Слушали внимательно, кивали, переспрашивали. Мустафа понимал, что, окажись у них хоть малейшая зацепка, – «закроют», и потому старался отвечать по возможности лаконично, тянул время до приезда адвоката, а когда тот появился – замолчал окончательно. Версия Батоева гласила, что он во время внезапного приступа сентиментальности вышел прогуляться к знаменитому памятнику и стал объектом покушения. Телохранители, действовавшие строго в рамках закона, защитили шефа от преступного посягательства, за что им отдельная и безмерная благодарность. Милиционеры, первыми прибывшие на место событий, предприняли все необходимые меры, за что им еще более отдельная и еще более безмерная благодарность.

Само собой изложение версии закончилось деликатным вопросом: нельзя ли мне покинуть эту жуткую площадь?

Примерно в три пополудни – после того как уехали шишки из ГУВД и мэрии – Батоева отпустили, и «Хаммер» помчал злого как черт Мустафу в его загородную резиденцию.

* * *

– Чья это квартира? – угрюмо спросил Димка, разглядывая богатое убранство огромного холла.

– Одного мертвого человека, – ответила Зарема.

– Ибрагима Казибекова?

– Да.

– Большая.

– Он любил жить красиво.

Шестикомнатные апартаменты мертвого человека располагались на берегу Строгинской поймы, в доме, который Орешкин видел только на рекламных картинках журналов. Территория тщательно охранялась собственной службой безопасности, но девушка сказала: «Прикажи войти в дом незаметно». Димка приказал. И ни один охранник не посмотрел в их сторону.

Гипноз?

– Располагайся, – предложила Зарема, сбрасывая куртку на кресло. – Здесь мы в безопасности.

– Ты уверена?

– Да. Это гнездышко Ибрагим свил лично для себя, и сыновья вспомнят о нем в последнюю очередь.

– Почему мы не поехали ко мне?

– Я же говорила: там люди Мустафы.

– Точно?

– Хочешь проверить?

Она улыбнулась. Под курткой оказалась легкая белая блузка, тонкая и почти прозрачная. И больше ничего. И Орешкин старался не смотреть на присевшую на диван красавицу.

– Ты ведь сможешь справиться с засадой?

– Смогу, – кивнула Зарема. – Но потом у ментов возникнут к тебе вопросы: откуда трупы, чего от тебя хотели...

– Понял, понял, понял.

Димка прошелся по мягкому ковру, остановился у окна, полюбовался рекой, набережной, задумчиво потер перстень, развернулся, сделал еще несколько шагов, постоял у картины.

– Пикассо, – сообщила девушка. – Подлинник. Ибрагим любил испанца.

– А ручки на дверях позолоченные...

– Из чистого золота, – поправила Орешкина Зарема. – Ибрагим не терпел фальши.

– Для меня это дико, – тихо произнес Димка.

– Ты из другого мира, – пожала плечами девушка.

– Наверное... – Орешкин помолчал. Потом решился: – А ты?

– Что я?

– Ты из другого мира?

На этот раз паузу взяла Зарема. Она перестала улыбаться, покусала губу, отвернулась и негромко ответила:

– Из другого царства. Есть царство людей. Есть царство джиннов. А есть те, кто волей обстоятельств оказывается не на своем месте.

Грусть в ее голосе потрясла Димку. Заготовленные вопросы вылетели у него из головы, показались глупыми, никчемными, слишком прагматичными. Вместо этого он почти шепотом поинтересовался:

– Твой дом далеко?

– Я уже не помню. – Девушка передернула плечами. – Я слишком давно живу среди вас.

– Тысячу лет?

– Гораздо больше.

– И все время кому-то служишь?

Она кивнула.

Димка вспомнил ее прыжок. Вспомнил элегантные и смертоносные движения – там, во дворе, двое громил ничего не смогли противопоставить хрупкой красавице. Вспомнил произнесенные им самим слова древней формулы и то, как засверкал камень.

«Да, за такой перстень не жаль миллиона. Не жаль и десяти...»

Странно, но осознание выигрыша не поглотило Орешкина. Не появилось чувства собственного превосходства и вседозволенности. Слишком много переживаний выпало сегодня на его долю, слишком резким получился переход: только что он стоял под дулом пистолета и вот уже сжимает в руке счастливый билет. Да и счастливый ли он? О Зареме знают Батоев и Казибековы, они наверняка захотят вернуть себе сокровище. А у них власть и деньги, у них солдаты. А у Орешкина только джинн с неизвестными техническими характеристиками.

– Я могу поспрашивать тебя?

– Конечно, – кивнула девушка. – Все с этого начинают.

Димка сел в кресло, потер лоб...

– Наши взаимоотношения?

– Ты хозяин, я рабыня.

В ее устах фраза прозвучала обыденно – привыкла.

А вот Орешкин вздрогнул – не ожидал.

Точнее, ожидал – «Тысячу и одну ночь» читал как-никак, но еще не осознал себя хозяином. Повелителем. Еще не понял, что есть некто, готовый исполнить любой его каприз.

Что у него есть раб.

- Хочешь, скажу: слушаюсь и повинуюсь?
- Скажи!

На Димку накатила лихость. Захотелось повелевать, приказывать. Захотелось увидеть склоненную голову.

- Прикажи что-нибудь, – попросила Зарема. – Просто так эту формулу не произносят.
- Что?

– Придумай.

– Построй дворец!

– Недвижимостью не занимаюсь, – улыбнулась девушка. – Но могу подсказать телефон солидной строительной компании.

Орешкин удивленно уставился на джинна:

- Ты серьезно?
- Я не могу врать хозяину.
- Никакого дворца?
- Увы.
- Мне что, подсунули бракованную модель?

Зарема весело рассмеялась.

- Знаешь, а ты отличаешься от тех, кому я служила раньше. Мне повезло.
- И чем же я отличаюсь? – после короткого молчания спросил Орешкин.
- Если им что-то не нравилось в моих ответах, они начинали меня бить. А ты шутишь.
- Ты чувствуешь боль?
- Да. Мне нельзя причинить вред, меня нельзя убить. Но боль я чувствую. И в эти мгновения мне так же плохо, как обычному человеку.

Она ответила ОЧЕНЬ спокойно, но Димка понял, что стояло за словами девушки. Годы унижений, насилия и страха. Бесчисленные годы непрекращающихся пыток, с помощью которых люди доказывали джинну, что они сильнее.

Орешкин криво улыбнулся:

- Ладно, оставим. Но если ты не умеешь строить дворцы, тогда какой в тебе прок?
- В глазах Заремы сверкнули огоньки.
- Я умею воевать.
 - И все?
 - Разве этого мало?

* * *

- Мы потеряли троих: Исмаила...
- Не продолжай, – приказал Абдулла помощнику. – И так все понятно.

Он откинулся на спинку огромного кресла и замер, невидяще глядя перед собой. Только пальцы левой руки нервно ерзали по гладкой столешнице.

– Перстень?

Голос прозвучал очень глухо.

Помощник отрицательно качнул головой. И вышел из кабинета, подчиняясь повелительному жесту Казибекова.

И снова тишина, нарушенная лишь однажды – Юсуф закурил сигарету.

– Придется согласиться с условиями Мустафы, – тихо произнес Ахмед. – Надо уходить, пока сообщество может защитить нас.

– Судьба Заремы все еще неизвестна, – проворчал Юсуф. – Если джинн вне игры, у нас есть шанс.

Абдулла внимательно посмотрел на младшего. Кивнул:

– Согласен.

Ахмед удивленно оглядел братьев:

– Вы серьезно?

– Казибековых никто и никогда не мог обвинить в трусости, – тоном, не допускающим возражений, произнес Абдулла. – Время у нас есть – сообщество ждет до девяти вечера. Мы поедем к Мустафе и отомстим за отца.

Юсуф согласно покивал. Но промолчал. Раздавил в пепельнице окурок и еще раз кивнул. Другого выхода младший не видел.

– Мы можем уйти, – напомнил Ахмед.

– Все, что мы можем, – это принять правильное решение. – Абдулла улыбнулся. – Поверь, брат, иначе нельзя. Ты это знаешь. Просто сейчас ты немного растерян.

Ахмед думал недолго, секунд десять, а потом громко расхохотался и с силой ударил кулаком по столу:

– Да!

* * *

Все произошло в ванной. Зарема сама предложила Димке освежиться, смыть грязь трудного дня, почувствовать себя человеком. В большой комнате – ванная у Казибекова занимала примерно такую же площадь, как вся квартира Орешкина, – девушка показала, где взять полотенце, халат, шампунь, включила воду, без ее помощи Димка не справился бы с огромным, напоминающим небольшой бассейн корытом, а потом неожиданно прижалась к мужчине и тихонько вздохнула. Орешкин наклонился и поцеловал ее черные, пахнущие травами волосы. А потом нежно погладил девушку по щеке и поцеловал в губы. Крепко поцеловал. Деталей он не помнил. Как они остались без одежды, как Зарема распустила волосы, как оказались они среди бурлящей воды... Помнил лишь невыносимую сладость и нежность женщины. Помнил ее глаза и губы. Помнил стон и тонкие руки, царапающие плечи. Помнил, как маленькая девушка замерла в его объятиях, словно пытаясь спрятаться от всех.

Помнил.

А что еще нужно помнить?

Позже, когда они лежали на огромной кровати и пили вино, Зарема вдруг сказала:

– У тебя давно не было женщины.

Сказала не с целью посмеяться, просто констатировала факт.

– Заметно? – улыбнулся Орешкин.

– Да.

– Зато теперь у меня есть ты.

– Есть, – эхом отозвалась девушка. – И мне с тобой хорошо.

«Она чувствует боль, значит...»

– Как и любая другая женщина, я получаю удовольствие не от каждого мужчины, – продолжила Зарема. – Нежность – моя единственная отдушина в этом мире. Но ее мало. Гораздо чаще меня просто трахали, а не занимались любовью.

– Почему?

– Я – джинн. Я сильнее. Мои унижения – плата за вашу слабость. Однажды хозяин отдал меня сотне своих телохранителей...

– Замолчи!

– На три дня...

– Замолчи!! Я приказываю!!

– Слушаю и повинуюсь.

Вино стало горьким. Орешкин поставил бокал на тумбочку и раскурил сигарету.
«Рабыня...»

Димка почувствовал отвращение, стыд за того урода, что смог так поступить с Заремой. Ему стало неловко за свой крик.

- Извини, – не глядя на девушку, произнес Орешкин. – Я не хотел кричать.
- Не обращай внимания, – спокойно ответила Зарема. – Я привыкла. Я – рабыня.
- Хочешь сделать из меня настоящего хозяина?
- Ты им станешь. Ты хороший, но все равно им станешь. Все становятся.

Димка внимательно посмотрел на перстень. На кроваво-красный рубин, сверкающий на безымянном пальце. На камень, хранящий нерушимую печать.

Зарема тоже закурила, легла на спину, подложила левую руку под голову и задумчиво проговорила:

- Мы должны подумать, как тебя спасти. До тех пор, пока Батоев и Казобековы живы, ты в опасности. Они не отстанут.
- Даже теперь? Когда я... – Орешкин сбился.
- Когда ты управляешь мной? – пришла на помощь девушка.
- Да.
- Ибрагим тоже управлял мной.

Орешкин вспомнил окровавленного старика, умирающего на грязной площадке. Понял, что пылающий на пальце рубин еще не гарантирует безопасности. На мгновение вернулся страх. Но лишь на мгновение – девушка была спокойна, а значит, выход есть.

- Кстати, а как получилось, что ты не помогла Ибрагиму?
- Я должна слышать приказ. Я должна быть рядом. – Она глубоко затянулась тонкой сигаретой. – Я не всемогуща.
- Но ты знаешь, как нам поступить.
- Сообщество дало Мустафе и Абдулле время до девяти вечера, – медленно произнесла Зарема. – Батоев будет выжидать – он в более выгодном положении. А братья вынуждены действовать. Они встретятся в резиденции Мустафы.
- Ты знаешь, где она находится?
- Конечно.

* * *

- Полагаешь, они не договорятся?
- Павел Розгин сделал маленький глоток кофе, помолчал и коротко ответил:
- Нет. Но и третейского суда не будет.
 - То есть к девяти часам вопрос решится? – уточнил собеседник.
 - Без сомнения.

Люди, сидевшие за большим столом, неспешно переглянулись. Уважаемые люди. Серьезные.

Сообщество.

От их слова зависела значительная часть московской жизни: почти вся теневая и, частично, белая, законопослушная.

Серьезные люди собрались чуть раньше объявленного Батоеву и Казобековым срока, чтобы прийти к окончательному решению: как поступить. И Мустафа, и Абдулла были для них своими, входили в закрытый круг, а потому выход из кризиса следовало искать осторожно.

- Войну начал Батоев. И до сих пор не доказал, что имел повод.
- Это не значит, что повода нет. Мустафа согласен говорить с нами.

– Ибрагим вышел из сообщества, он никому и ничего не был должен. Мы приняли его решение. И мне не понравилось, что Мустафа взялся за старика. Мустафа отморозок. Ему нельзя верить.

– Мустафа согласен говорить с нами.

Люди помолчали.

– Павел утверждает, что через час-полтора под Москвой станет очень жарко. Мы должны решить – допускать разборку или нет?

– Пусть дерутся, – буркнул кто-то с дальнего конца стола. – Спросим с победителя.

– Орешкин на своей квартире так и не появился, – доложил Хасан. – Мы оставили засаду, начали проверять его контакты, но...

Чтобы проверить друзей длинноволосого недотепы, требуется время. Надежды на то, что он вернется домой, никакой, по крайней мере не в ближайшие дни. Скорее всего шустрый системный администратор взял билет и укатил на родину, подальше от московских разборок. А может, к друзьям из других городов подался, мало ли кто с ним в институте учился?

В общем, след пропал.

А времени все меньше и меньше.

– Если Орешкина не можем найти мы, – задумчиво произнес Мустафа, – значит, его не могут найти и Казобековы. Но голова у них болит сильнее.

– Сообщество на нашей стороне?

Батоев хитро улыбнулся:

– В основном. Я пообещал некоторым людям часть наследства Ибрагима, и они не станут предъявлять претензии. Если Абдулла доведет дело до третейского суда, он уедет из Москвы нищим.

– Но живым.

– К сожалению.

Хасан прищурился, обдумывая ситуацию:

– Абдулла гордый.

– И глупый! – немедленно отозвался Мустафа. – Абдулла попытается убить меня. Сегодня вечером.

– Может, натравим на Казобекова ментов?

– Зачем? – Батоев презрительно посмотрел на помощника. – Хасан, ты еще не понял, что я не собираюсь отпускать ибрагимовских ублюдков?

– Но почему?

– Потому что рано или поздно Орешкин найдется, а если Казобековых не станет, искать его буду только я.

– Это так важно?

– Очень важно.

Хасан помялся.

– Не скажете, почему?

Мустафа усмехнулся:

– Ты тоже хочешь умереть?

Машины мчались по шоссе на бешеной скорости. Несколько массивных джипов, пара «Мерседесов», микроавтобус. Сидящие в них люди предпочитали молчать. Каждый думал о своем. Каждый был вооружен. И каждый понимал, что, проиграв, потеряет все. Казобековы взяли с собой только самых верных, тех, кто, лишившись их покровительства, или умрет, или окажется в тюрьме, тех, кому есть что терять, кто будет драться до конца.

– Мустафа нас ждет, – вздохнул Ахмед, поправляя бронежилет. – Он не дурак, он нас ждет.

– Вот и хорошо, – отрезал Абдулла. – Значит, он дома.

Юсуф ощерился.

На кожаных сиденьях лежали автоматы.

Резиденция Батоева – массивный четырехэтажный особняк с кучей служебных построек вокруг – располагалась на берегу небольшого озера, вдали от модных коттеджных поселков. Мустафа сознательно отказался от жизни на многолюдной Рублевке, подобрав для себя уютный сосновый бор чуть севернее. Здесь было меньше посторонних глаз, меньше пафоса, а значит, гораздо свободнее. От трассы к поместью вела неширокая асфальтовая дорога, на которой находились два поста с охраной. Весь бор был обнесен оградой из колючей проволоки, а сам особняк – еще и каменным забором. Разумеется, были и видеокамеры, и патрули с собаками – Батоев заботился о своей безопасности.

Но что может помешать джинну?

– Скажи: приказываю скрытно пройти к дому.

– Приказываю скрытно пройти к дому.

И они, спокойно миновав первые ворота, неспешно побрели по ведущей через лес дорожке.

К резиденции Димка и Зарема добрались довольно быстро, хотя и на перекладных. Сначала на электричке, затем, сойдя на небольшом полустанке и выбравшись на шоссе, поймали частника, которому Орешкин отдал почти все оставшиеся деньги. Последние пару километров прошагали пешком – Зарема посоветовала не афишировать перед незнакомцем конечную точку маршрута.

– Странное ощущение, – пробормотал Димка. – Я иду убивать людей.

– Я иду убивать, – поправила его девушка.

– Нет, – мотнул головой Орешкин. – Иду я, а ты лишь выполняешь мой приказ.

– Не думай об этом.

– Не могу.

– Они тебя в покое не оставят.

– Знаю. – Димка в очередной раз посмотрел на перстень. – Но все равно не могу не думать. Ведь я – не они.

– И это хорошо, – после паузы произнесла Зарема. – Мне приятно помогать тебе.

– Но...

– Подожди! – Девушка остановилась, прислушалась и приказала: – Прячься!

В весеннем сосновом бору трудно найти укрытие, пришлось отбежать довольно далеко от дороги и присесть на корточки за толстыми стволами, чтобы люди, сидевшие в пронесшихся автомобилях, их не заметили.

– Казибековы?

– Да. – Зарема осмотрелась. – Пойдем вон туда.

Метров через пятьдесят они вышли к небольшому, почти круглому озеру. Увидели край особняка, ступеньки, ведущие к воде, пирс с пришвартованным катером.

– Жди меня здесь. Там опасно.

Орешкин молча кивнул.

Со стороны дома донеслись первые выстрелы.

* * *

Бывает так, что за серостью будничных дней мы забываем о том, что можно радоваться самому факту – ты живешь. Бывает так, что камни большого города холодят душу, наполняют ее тоской и заставляют опускать плечи. Бывает, что гаснет огонь в глазах и ты считаешь жизнью лямку, которую тянешь. И забываешь, что сегодняшний восход солнца уже никогда не повторится, а завтрашний день не будет похож на вчерашний. Забываешь, сколь много зависит лично от тебя. Ты теряешь уверенность, теряешь мечты, а ведь они никуда не исчезают. Ты меняешься... Забываешь о том, что силен, лишаешься огня, впрягаешься в лямку. И видишь впереди лишь серую мглу. Или дно стакана...

– Я могу, – прошептал Димка, глядя на спокойную поверхность воды. – Я знаю, что могу. Я сам.

Кто-то просыпается сам. Кому-то нужна встряска. Ведь не каждый может взглянуть на себя со стороны, далеко не каждый. На берегу лесного озера, сидя на бревне и прислушиваясь к выстрелам, Орешкин понял, что проснулся. Что снова стал настоящим. Тем самым Димкой, который верил в себя и готовился бросить вызов всему миру. И еще он понял, что ни за что теперь не отпустит свое настоящее «я».

– Я могу. Я могу!

Поглощенный своими мыслями, Орешкин даже не заметил возвращения Заремы, не обратил внимания на то, что перестали звучать выстрелы. Но даже не вздрогнул, когда девушка неожиданно присела рядом.

– Все кончилось?

– Да, – односложно ответила Зарема. Подумала и добавила: – Теперь тебе никто не угрожает.

– И что дальше?

– Ты – господин. Приказывай.

«От меня зависят судьбы людей. Судьба Заремы, судьбы тех, кто встретится по дороге. Я силен. Но я или Зарема? Кто из нас сильнее? Я могу избить и изнасиловать ее – она останется покорной и преданной. Я могу любить ее...»

Короткое воспоминание – сплетенные в ванной тела – и ощущение безграничной нежности.

«Нежность – это все, что у меня есть...»

«Я могу любить ее, но всегда буду думать о том, что она сильнее, что живу за ее счет».

А проснувшаяся гордость царапала душу:

«Я могу всего добиться сам!»

«Но никогда не избавлюсь от чувства, что без нее я никто.

И однажды я изобью Зарему. Или изнасилую. Или унижу каким-нибудь другим способом.

Я не удержусь».

Никто не удержится.

«Я стану таким же, какими были они».

И для маленькой девчонки все начнется сначала. И ее черные глаза увидят еще очень и очень много такого, чего не хочется видеть никому.

«Не будь идиотом!»

«А я и не буду. Я буду самим собой».

В метро Орешкин познал, что значит быть смелым. Сейчас он понял, каково это – уважать себя. Оставалось самое сложное – научиться быть сильным.

Он посмотрел на Зарему.

– Я могу освободить тебя?

– Можешь, – спокойно ответила девушка. Очень спокойно, так, словно ожидала, что он спросит. – Но подумай, от чего отказываешься.

– У меня было время подумать.

Зарема улыбнулась, прикоснулась к его руке.

– Ты на самом деле хороший.

И снова волна нежности. Нечеловеческой нежности.

– Говори, что делать, – проворчал Димка, – а то передумаю.

– Давай покурим, – предложила девушка. – Здесь так тихо.

Орешкин щелкнул зажигалкой, пустил дым. А потом обнял Зарему и крепко прижал ее к себе.

Они курили молча. Смотрели на темнеющее небо, на воду, на высокие сосны и молчали. Лишь прижимались друг к другу.

А потом, когда сигареты умерли, Димка негромко произнес формулу свободы.

Бережно положил Зарему на землю, закрыл черные глаза, поцеловал ставший холодным лоб, вложил в руку перстень. Выпрямился, постоял несколько секунд, развернулся и пошел к шоссе.

Не оборачиваясь.

Ведьма

– Привет! Я из Красноярска, и я странный.

Именно с этих слов начал знакомство со мной Валька Гостюхин.

С неожиданных, согласитесь, слов.

Валька стоял в центре комнаты, которую нам предстояло делить ближайшие пять лет, и смотрел прямо на меня своими огромными зелеными глазищами. Наверное, это обстоятельство и повлияло на мою реакцию. Только представьте: парень с довольно длинными ярко-рыжими волосами и зелеными, можно сказать – женскими, глазами, смотрит на вас и говорит:

– Привет! Я из Красноярска, и я странный.

Оценили?

Ничего удивительного в том, что я насторожился.

Нет, буду откровенен – я растерялся. Насторожился я позже, секунд через пять, когда первая оторопь прошла и в памяти всплыли предупреждения родителей насчет царящей в столице свободы нравов. Я, конечно, не из деревни в Москву приехал, о существовании гомосексуалистов, трансвеститов, бисексуалов и прочих... гм... странных ребятах знал, но услышать подобное заявление от предполагаемого соседа по комнате в студенческой общаге, от человека, с которым придется жить рядом не один год...

– Привет, – выдавил я из себя. – А я из Липецка, и я нормальный.

Теперь задумался Валька.

– В каком смысле?

– Я не странный. Я как все.

Он непонимающе поднял брови. Пришлось добавлять:

– Я обычный. Я женщин люблю.

И Гостюхин принялся ржать. Не смеяться, а именно ржать: громко, очень громко. В коротких промежутках между приступами хохота он поведал, что его зовут Валька, что он тоже любит женщин, а фраза насчет странности относилась не к сексуальным пристрастиям.

– А к чему?

– У меня бывают закидоны, – ответил Валька и в подтверждение постучал себя указательным пальцем по лбу. – Иногда мое поведение вызывает... недоумение.

– Например?

Я решил выяснить все до конца. Ведь в столь тонком деле, как выбор соседа по комнате, ошибиться нельзя. Если Гостюхин псих, то надо пойти к коменданту и потребовать другую комнату.

– Ну, например, я собираюсь переставить здесь мебель. Ты не против?

Я огляделся: две кровати, две тумбочки, стол, два стула и шкаф. Все в меру потрепанное, но на первый взгляд достаточно крепкое. И расставлено, кажется, вполне разумно: шкаф в углу, стол у окна...

– Зачем?

– Шаману не нравится, как стоят кровати, – объяснил Валька. – По-дурному они стоят. Неправильно.

Та-ак, час от часу не легче. Студент технического вуза приволок в общагу шамана. Здорово!

Нет, поймите меня правильно, об экстрасенсах и всяких там знахарях мне доводилось слышать и даже видеть... по телевизору. Скепсис в отношении этих деятелей я унаследовал от родителей, и к людям, обращающимся за помощью ко всякого рода адептам черно-белой магии, я отношусь со смешанным чувством иронии и жалости. Верят они, ну и пусть верят, может, одумаются. К тому же я всегда считал, что бегают к колдунам сорокалетние тетки,

пытающиеся вернуть себе молодость, да выжившие из ума старухи, а потому я опять слегка растерялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.